

Проект
СЕРГЕЯ ЛУКЬЯНЕНКО

Возоры

Сергей Лукьяненко
Алекс де Клемешье

УЧАСТКОВЫЙ

Дозоры

Сергей Лукьяненко

Участковый

«АСТ»

2014

Лукьяненко С. В.

Участковый / С. В. Лукьяненко — «АСТ», 2014 — (Дозоры)

ISBN 978-5-17-085078-5

СССР, Сибирь, 1972-й год. Отделения Дозоров противоборствуют в крупных областных городах, но как контролировать тысячи километров безбрежной тайги? Здесь, в глухих дебрях, среди вековых кедров притаилось Зло, непостижимое человеческим разумом. В этих диких краях с неведомыми силами договариваются шаманы. Таков закон, и здесь не самое лучшее место, чтобы основать отделение Ночного Дозора. Но выбирать не приходится. Деревенский участковый милиционер берется за дело...

ISBN 978-5-17-085078-5

© Лукьяненко С. В., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Часть 1	6
Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	23
Глава 3	45
Глава 4	57
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Сергей Лукьяненко, Алекс де Клемешье

Участковый

© С.В. Лукьяненко, А. Клемешов, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Часть 1

Превентивные меры

Пролог

Снега обрушились на прошлой неделе. Добротные, высокие дома Светлого Клина так охотно нахлобучили мохнатые шапки, так надежно укутались одним на всех одеялом, что отсюда, с Подкатной горки, по отдельности их было и не разглядеть, а само село с верхотуры напоминало брошенную в сугроб длинную гирлянду. Правда, сияла гирлянда кое-как: там густо – тут пусто, та лампочка едва-едва светит, а эта, похоже, перегорела. Хоть и не сказать, что время позднее – просто ложились в селе рано.

Слева, в чаще, гулко треснуло прихваченное морозом дерево. Коротко оглянувшись, Николай подул на озябшие ладони. И в тот момент, когда облачко пара поднялось над горстью, почудилось сквозь него движение – будто птица мелькнула во тьме. А может, всего лишь одна из придавленных мохнами снега еловых лап освободилась от груза, распрямилась стремительно и бесшумно. Николай замер, прислушался. Встрепенувшись и помотав головой, снова попытался отогреть дыханием пальцы. Надо же было растяпе рукавицы забыть! Вот доедет он до Катюхи – а как обнять такими ледышками?

«Ну, передохнул – и вперед!» – скомандовал он себе, перехватил лыжные палки посподручнее, оттолкнулся. Скользили лыжи неважно, не столько на езде, сколько на ходьбу по лесу были рассчитаны. Одно радовало – теперь дорога прямая, и всё вниз, вниз с Подкатной горки.

Катюха, конечно же, дуется. Такой важный для нее вечер, такое ответственное выступление, а он!.. Эх, если бы не предательски заглохший трактор, если бы не гаражный сторож Митрич, если бы не... Разумеется, он постарается объяснить Катюхе, и, разумеется, она поймет. Но так или иначе – а вечер-то испорчен! Должен бы сейчас Колька Крюков сидеть в клубе села Светлый Клин, смотреть концерт с участием колхозной молодежи, переживать, не забудет ли Катерина длинный монолог Маргариты из «Дамы с камелиями»... Не успеть. Эх, кабы не трактор, кабы не сволочной односельчанин Митрич!

Вспыхнувшая над верхушками сосен луна, казалось, расширила путь-дорогу, но еще дальше отодвинула огоньки в окнах крайних домов. И хорошо, что светит точнехонько в спину, потому что смотреть на такую луну нет никакой возможности. Так ярко бывает на передвижных лесопунктах в ночную смену, когда крепят на стволах прожектора в тысячу свечей, когда таежный воздух белеет и густеет от электрического света, когда тени сжимаются в крохотные точки и испуганно подрагивают под рев бензопил и трелевочных тракторов. Впрочем, сейчас тень была, да какая! Протянулась от Колькиных лыж через весь склон Подкатной горки аж до магазина в центре Светлого Клина. Тень кривлялась в такт Колькиным шагам, нелепо размахивала гигантскими руками, а вытянутая на добрый десяток метров голова елозила туда-сюда по далеким ступенькам магазина, будто стучалась в запертую дверь или намеревалась и вовсе высадить ее тараном.

Хоть и выглядела тень жутковато, Николай улыбнулся: «Не забыть бы рассказать Катюхе! Это через какое же расстояние я до нее дотягиваюсь!»

Чем меньше оставалось до клуба, тем больше он переживал. Не за себя, не за предстоящий разговор с обиженной девушкой и даже не за роль, которую она исполняла сегодня на сцене, – переживал за саму Катю. Каково ей не знать, где он? Каково гадать, почему он не пришел? Мечется, бедняжка, за кулисами, места не находит. А если концерт уже кончился –

так, может, и плачет в уголке и прислушивается тревожно: не Колькин ли трактор взрывает на улице? А трактор-то... того. Гадский Митрич!

Свет в окнах клуба был, и даже музыка какая-то едва слышно доносилась, но уже шагов за двадцать Николай понял, что концерт давно окончен: в «лыжном» сугробе обочь крыльца отсутствовал всякий инвентарь. Значит, зрители уже разошлись-разъехались по домам. Николай отстегнул ремешки лыж, сграбастал их вместе с палками охапкой, но втыкать в сугроб не стал, прислонил к стене рядом с окном. Разгоряченное бегом тело щедро отдавало тепло, пот тек по лицу, от полушубка шел пар. Нельзя в таком виде перед людьми показываться, некрасиво это. Он снял шапку, отер ею лоб, слизнул капельки над верхней губой, негнушимися пальцами пригладил мокрые волосы – прихваченные морозом, они вмиг затвердели.

Сквозь двойное стекло, обрамленное изнутри слоем изморози, были видны расплывчатые силуэты. Вертясь так и этак, Николай попытался разглядеть тех, кто остался после концерта. Будучи жителем другого села, он не боялся нарваться на неприятности – местные парни дружелюбны, по уху зазря не съезжают. И тем не менее: никогда не помешает прояснить расстановку сил.

Лавки, образовывавшие зрительские ряды, были уже сдвинуты к задней стене – обычно так освобождали место для танцев. Но сегодня цель была иной: в центре зала разместили несколько столов, включая спущенный со сцены «президиумный», покрытый зеленым сукном. На столах – тарелки со снедью, пузатый графин с чем-то красным и самовар. Похоже, артисты решили устроить банкет в честь удачно прошедшего концерта.

Лицом к окну сидел Мишка-гармонист, его верная тальянка примостилась на соседнем стуле – отдыхала от виртуозно исполненного чардаша, вслушиваясь в такты вальса. Справа от Мишки сидели трое знакомых парней – какой номер они исполняли на концерте, Николай не знал. Напротив них, спиной к окну, расположились девчата в народных костюмах. У «президиумного» стола восседал Петр Красилов, тракторист, хорошо читающий со сцены стихи Маяковского, – Петр, в отличие от прочих за столом не ел и не пил, с серьезным видом листал газету. Возле сдвинутых лавок, кружась, обжималась незнакомая парочка – городской хлыщ в черном костюме и коренастая девица в блестящем «буржуйском» платье. Кто они такие, можно было только догадываться: возможно, чьи-нибудь родственники, случайно попавшие на празднество; возможно, высокие гости из района – Катюха говорила, что ждут кого-то то ли из райкома комсомола, то ли из филармонии. Николай неодобрительно цыкнул зубом – парочка только делала вид, что танцует, а на деле ни в один такт не попадала. Музыка стала для них лишь поводом поприжиматься, лица танцоров были неприлично близко, а руками они беспрестанно елозили по спинам друг друга – срамота! И это называется – городская интеллигенция! Да если бы кто-нибудь из деревенских себя так повел – запозорили бы односельчане, безо всяких комсомольских собраний такой выговор впяли бы!

Катюхи видно не было. Проведя ладонью по покрывшейся инеем щеке, Николай переместился к другому окну. Взгляду открылась пустая сцена, рядом – столик с граммофоном. Возле столика перебирали пластинки завклубом Зина и бригадир мотористов бензопил Бухаров. Зина, конечно же, планирует поставить липси, а Бухаров требует чего-нибудь поэнергичнее.

Мороз пробрался под полушубок, и Николаю вдруг захотелось оказаться в натопленном клубе, выпить стакан чая, а может, и попробовать багряное содержимое пузатого графина. Вот только повода зайти в клуб не осталось – Катерина явно не стала задерживаться на банкете.

Если она ушла домой, вызвать ее станет большой проблемой – отец уж больно строгий. И все же увидеться было необходимо. Не столько даже ради объяснений, сколько для Катюхиного успокоения – ведь переживает она из-за сегодняшнего Колькиного отсутствия, сильно переживает! Потому и не в клубе сейчас, не с друзьями-артистами. Скорее всего сидит рас-

строенная, сложив руки на коленях, провожает невидящими глазами стрелки часов на стене своей комнатки... Значит, надо идти.

Николай вернулся к тому окну, возле которого оставил лыжи, кинул завистливый взгляд на празднующих в тепле – да так и застыл. Натанцевавшаяся парочка как раз возвращалась за стол. Холеный франт был уверен в себе и предупредителен, золотая оправа узких очков (все же не из райкома он, видимо, а из филармонии) победно сияла на тонкой переносице, довольная улыбка растянула бледные губы, изящная, едва ли не женская рука аккуратно придерживала локоток спутницы. Спутница тоже была явно довольна – блеск в глазах, покрасневшие щеки, частое от волнения дыхание. Коренастая – ну так что с того? Местные девушки все чуть-чуть коренасты. Зато красивая. И наверняка талантливая, раз уж городской франт обратил на нее внимание. И ласковая. Настолько ласковая, что не смогла дать отпор хлыщу, когда он принялся гладить ее по спине во время танца, послушно приблизилась в ответ на его движение. А может, свою роль сыграло «буржуйское» платье сценической Маргариты? Меняется одежда – меняется человек?

«Убью! – думал Николай, леденея под окном. – Убью обоих!»

А больше ни о чем не думалось. Подняв руку, он вцепился зубами в рукав полушубка. Воняло табаком, солидолом, псиной и потом – Николай вновь принялся потеть, несмотря на стужу. Горячая дрожь прошла по телу раз, другой, а вместе с нею накатило что-то еще, незнакомое, дикое, звериное...

За спиной, закрыв на миг лунный свет, что-то мелькнуло. Рефлекторно обернувшись, Николай впился взглядом в огромный яркий диск, сияющий над Подкатной горкой. Сморгнув предательскую слезу, Колька вдруг упал на колени и, кажется, отключился.

Глава 1

Утро участкового оперуполномоченного Денисова начиналось с гимнастики. Правда, за двадцать пять лет службы комплекс упражнений серьезно подсократился, да и темп стал более щадящим. Умывание, бритье, плотный, из трех блюд, завтрак. Пятиминутный променад от дома до работы. Ровно в десять он отпирал дверь милицейского кабинета. Включал репродуктор и, внимательно слушая последние известия и «Пионерскую зорьку», подходил к окну, распахивал настежь и терпеливо ждал, пока помещение проветрится. Зимой обычно прихватывал в сенцах несколько поленьев и растапливал печку-голландку и только после этого (в Москве – 7.20, в селе – начало одиннадцатого) отправлялся на обход.

Сегодняшнее утро поначалу мало чем отличалось от прочих. Разве что на кухне хлопотала одна жена – обычно дочка помогала готовить завтрак, но вчера, видимо, задержалась с молодежью после концерта, не выпалась и к столу не вышла.

Поленья принялись охотно, зашипела, защелкала смола, потянуло дымком. Наполовину прикрыв верхнюю печную задвижку, чтобы не выпустить весь жар, Денисов запер кабинет и отправился вдоль села. Определенной цели у него не было: тут поглядеть, там послушать, пообщаться, подсказать, при необходимости – сделать внушение. Работа участкового не так уж и сложна, если изначально подошел к ней с головой. Денисова в селе уважали; может, потому и не было на участке особых нарушений. Да и как тут забалуешь, если пожилой милиционер в курсе всего происходящего, если он раньше тебя догадывается, какую железяку ты собрался спереть в колхозе или кому именно мечтаешь набить морду?

Обычно путь Денисова сперва вел на верхний конец Светлого Клина, оттуда – в обход, задами, вдоль реки, мимо фермы и рыбацких сараев – он добирался до крайних домов нижнего конца и аккуратно к обеду возвращался в центр села. Однако сегодня длительной прогулки не случилось. Едва выйдя из милицейского кабинета, участковый мазнул взглядом по ближайшим домам – и неожиданно зацепился за что-то. За что именно – сначала и не понял. Райка-продавщица, обслужив первых утренних покупателей, курила в подсобке сельпо, пыхала дымом в приоткрытую форточку почище иного мужика – но тут уж ничего не попишешь, профилактические беседы с ней не возымели никакого действия. Возле колхозной конторы переругивались старик и старуха Агафоновы, но переругивались несерьезно, любя. Грыз ногти, сидя за баранкой греющегося «виллиса», председательский водитель Витька – зрелище не самое приятное, но, опять же, преступного умысла в подобном действии нет.

Лишь в третий раз пообеда взглядом центральные здания села, Денисов обнаружил причину своей смутной тревоги: прислоненные к стене клуба, торчали на виду охотничьи лыжи. Казалось бы – эка невидаль? Лыжи посреди зимы в селе, где даже ребятишки в ясли на них ездят, – что странного?

Подойдя поближе, Денисов убедился: странно то, что инвентарь явно охотничий – широкая рабочая поверхность лыж подбита оленьим мехом, на таких по лесу удобно ходить, а не по деревне кататься. И какой же охотник оставит свое имущество без присмотра? Участковый огляделся, но хозяина поблизости так и не приметил. Стянув рукавицу, он провел ладонью по оленьему меху – тот был смерзшийся, стало быть, лыжи простояли долго. Возможно, всю ночь. Что же, кто-то пришел на них в клуб, примостил здесь – да в клубе и заночевал? Это вряд ли, поскольку заведующая Зина к вверенному хозяйству относится трепетно, в свое отсутствие никого внутрь не допускает. Денисов поднялся на крыльцо, удостоверился в том, что массивный замок на двери заперт, вернулся под окна, еще раз осмотрелся. На снегу аккуратно под окном обнаружилась пара весьма интересных следов, но как следует разглядеть их Денисов не смог, потому что именно в этот момент его ошпарила догадка. Пришедший накануне в клуб на лыжах оставил их здесь, потому что с концерта ушел под ручку с красной девицей. А участковый знал

на сей момент лишь одного человека, готового притащиться через лес из соседнего села, – человека, которого вчера, нервничая и кусая губы перед выступлением, ждала Катерина.

Денисов натянул рукавицу и бегом припустил к собственному дому. Не обметая на крыльце валенок, проскочив в два шага сени, он ворвался в заднюю комнату, огляделся. Прибравшись после завтрака, жена Людмила сидела за столом, изучала «Последнюю колонку» газеты «Труд».

– Катька тут ишшо? – с порога грозно спросил Денисов.

Людмила, настороженно глядя поверх очков, кивнула.

– Одна?

– Сдурел? – Жена, заметив движение Денисова, поднялась, загородила путь.

Отодвинув ее в сторону, участковый распахнул дверь в спальню дочери.

Катерина не спала, была, к счастью для Денисова, одета и как раз заканчивала застилать кровать. Появления отца испугалась страшно – в селе Светлый Клин, как и во всех ближайших селах, не принято врываться в спальни к взрослым дочерям, и если отец врывается-таки, значит, повод более чем серьезный. А если при этом твой отец – оперуполномоченный, то предположить можно лишь самое страшное.

Катя, так и не покрыв подушку вышитой салфеткой, осела на постель, едва слышно выговорила:

– Что с ним?

Денисов, поняв, что выводы он сделал неправильные, смутился, отвернулся, попятился:

– Катюха, выдь на час, вопросы к тебе имеются.

Дочь быстро оправилась, взяла себя в руки, вышла с гордо поднятой головой. Денисов, по-прежнему в валенках, полушубке и шапке, сидел за столом напротив жены, виновато смотрел на Катю.

– Ты уж прости, невесть что подумалось... Доброе утречко! Поздно вчера вернулась?

– Папа, давай ближе к делу? Что случилось?

Денисов уперся взглядом в натекшую с валенок лужицу, смущенно кашлянул, со вздохом вновь поднял глаза на дочь.

– Скажи, а Николай, который Крюков, который из «Светлого Пути», вчера объявлялся?

Катя медленно помотала головой.

– Не объявлялся или ты не знаешь?

– Он... был. Но мы не виделись. Мама, – она повернулась к Людмиле, – мамочка, какая же я дура!

И тут Катюху прорвало. Кинувшись к сидящей матери, вцепившись в ее колени, она ревела, как в детстве, причитала, пересказывая вчерашний вечер, свое постыдное поведение, свои переживания сегодняшней бессонной ночью.

Денисов потел и стеснялся: не должен он был видеть этой сцены, никак не должен! Дочка не ему доверяется, матери, а он тут лишний, он обязан уйти, а как уйдешь, если в курсе таких событий надо быть обязательно? Наконец в сбивчивой речи девушки послышалось важное.

– Стоп! Что за Макаровский?

Катюха обернула к нему заплаканное лицо, всхлипнула.

– Я же говорю – из областной филармонии!

– В очках который? И что он?

– Я же говорю – весь вечер меня обхаживал, в город звал, место в театре обещал, общение...

– А ты?

– А я – дура! – Девушка вновь принялась всхлипывать. – Колька так и не приехал – ну, я и разозлилась! Подыгрывать стала, увлеклась...

– И где он ночевал?

– Кто?

– Макарский!

– Точно сдурел! – покачала головой Людмила.

– Да я почему знаю, где он ночевал? – раздосадованно произнесла Катя. – Я как из клуба вышла – сразу Колькины лыжи узнала. Значит, он был... и видел... меня с этим!

Катерина снова зарыдала, уткнувшись в колени матери. Людмила посмотрела на мужа, тот вопросительно округлил глаза, указал подбородком на дочь, пожал плечами – дескать, что происходит? Жена тихонько развела руками – дескать, что ж тут непонятного?

Не баловство, значит. Значит, любовь...

Это было плохо, это было не передать как плохо! И дело вовсе не в том, что рановато дочери о таких вещах думать – думать-то как раз самая пора. Но с кем?! Пусть бы в Петьку Красилова влюбилась – хороший парень, хоть и делает вид, что умный слишком. Или Мишка-гармонист – хоть и раздолбай временами, но тоже не самый худший кандидат. А Николай Крюков... Николай – это очень, очень плохо.

Денисов поднялся, переступил валенками в луже.

– В кабинете буду, – буркнул, ни к кому конкретно не обращаясь.

Наверное, как раз сегодня непременно нужно было совершить обход, узнать, где провели ночь Крюков и Макарский, где они сейчас. Вдруг беспокойство дочери оправданно? Вдруг один из них, а то и оба валяются где-нибудь за рыбацкими сараями с пробитыми головами или ножевыми ранениями? Однако почему-то Денисов был уверен, что основные события произойдут нынче не на окраине села, не на задах Светлого Клина. К тому же, не доходя до кабинета, он увидел Макарского. Представитель областной филармонии визгливо скандалил возле колхозной конторы. Участковый подошел, сурово глянул на ссорящихся.

– Ну? – коротко спросил у председателя.

– Доброе утро, Федор Кузьмич! Полюбуйся! – Председатель развел руками.

– В чем дело, гражданин?

– Официально заявляю! – петушился Макарский. – Меня обманом заманили в эту дыру, а теперь не хотят выпускать!

– Переведи! – попросил Денисов председателя.

Тот вздохнул.

– Вчера товарищ прибыл в колхоз с целью посетить концерт сельской молодежи. Теперь товарищ желает вернуться обратно и высказывает свое недовольство тем фактом, что рейсовый автобус пойдет в район только через три часа.

– Я, между прочим, свой законный выходной трачу! – встрял возмущенный Макарский. – Мне что обещали?

– А что вам обещали? – заинтересовался участковый.

– Мне обещали удобство, комфорт и кучу талантливых самородков! И что я получил? Бездарную деревенскую самодеятельность, невыносимый холод, жесткий топчан и отсутствие транспорта! Вы это называете комфортом?

– Тихо-тихо-тихо! – выставил ладони Денисов. – Успокойтесь. Бездарную, значит? Семен, отправил бы ты его с Витькой своим, а?

Председатель изумленно вытаращился:

– Да как же?..

– Ничего, пешком нынче походишь. Отправь-отправь! Вони на селе меньше станет.

Лицо Макарского перекосилось, но возмущение не вылилось в визгливый протест – таким тоном произнес участковый последнюю фразу, таким взглядом одарил городского, что отбил у того всякую охоту продолжать перепалку.

А Денисов уже повернулся спиной, уже неторопливо шествовал к милицейскому кабинету.

– Ишь ты! – качал головой. – Бездарная самодеятельность...

Ему, присутствовавшему вчера от и до, концерт очень понравился. И, конечно же, больше всего понравилась сцена из «Дамы с камелиями» – родная дочь разговаривала и вела себя как-то по-заграничному, превратившись из вчерашней деревенской школьницы в незнакомую, зрелую и умудренную опытом женщину. «Как в кино!» – шептала ему в ухо Людмила, и он был с нею абсолютно согласен.

– Вчера, значит, горы золотые Катке сулил, а нынче – вона как...

Денисов обмел на крылечке валенки куцом веником, отпер и тут же плотно прикрыл за собою дверь, разделся в крохотных сенцах, переобулся в удобные разношенные туфли. Валенки внес в комнату, приткнул на просушку к голландке. Присев на корточки, отворил дверцу-заслонку, пошерудил кочергой горящие поленья. Выпрямился, обвел взглядом кабинет – массивный стул, простой стол с выдвижным ящиком, сейф в углу, карта района на оштукатуренной стене. «Голая», без абажура, лампочка под потолком. Аккурат под лампой – табурет для посетителей. Что уж говорить? Неуютный кабинет. Вроде ничего такого неприятного или угрожающего – но оказаться на табурете под лампой панически боялись все в селе. Может, не в обстановке дело, а в энергии, которая скопилась здесь за двадцать пять лет службы?

Участковый стал посреди комнаты и, вперив мрачный взор в закоптившийся потолок, произнес в пространство:

– Ну? Давайте! Начинайте уже.

Предчувствия не обманули: в окно донесся остервенелый лай. Уперев кулаки в низенький подоконник, Денисов выглянул на улицу. Казалось, все собаки Светлого Клина разом сошли с ума. К центру села приближался трактор Петра Красилов – гусеничный «ДТ-75» с экскаваторным ковшом и косым ножом для уборки снега. Зимой в обязанности Петра входило расчищать единственную дорогу в район. Участковый бросил взгляд на наручные часы – половина двенадцатого. Тридцать пять километров туда, тридцать пять обратно – слишком мало времени прошло, чтобы медлительной «дэтэшке» успеть доехать до районного центра и вернуться обратно. Стало быть, по дороге что-то стряслось. Вокруг трактора бесновалась свора – рыча, визгливо тявкая, захлебываясь лаем, яростно бросаясь на траки и испуганно поджимая хвосты, все местные собаки преследовали машину.

– Едрить твою редиску! – озадаченно выругался Денисов и побежал на крыльцо.

Очень медленно, осторожно, явно стараясь не подавить собак, Красилов повернул к кабинету милиции, остановился, не доезжая пары шагов до обледепевшего колодезного сруба.

– Что там? – ежась от холода, попытался перекрычать свору участковый.

Выбравшись из кабины на гусеницу и не решаясь прыгнуть на снег, Красилов коротко ответил:

– Труп!

Денисова бросило в жар. Неужто не зря Катерина рыдала?

– Николай?

– Какой Николай? – удивился тракторист. – Волк! Вон, в ковше лежит.

От сердца отлегло, Денисов выдохнул. Понятно, почему псы ополоумели. Непонятно, зачем Петька в село волка приволок.

– Ну? – требовательно выкрикнул участковый.

– Странный труп, Федор Кузьмич!

– Ты давай, что ли, приземляйся! В кабинете жду.

– И не посмотрите?

– Посмотрю, когда эти выдохнутся. А пока ты мне на словах опишешь. Пробирайся, тут же оглохнуть можно!

Петр вошел через пару минут, скромно замер у двери, вертя в руках кроличий треух.

– Там это, – мотнул лохматой головой в сторону улицы, – народ собирается.

- А что ж ты хотел? Такое представление устроил! Проходи, присаживайся.
- Да я лучше тут! – испуганно глянув на табурет, отказался молодой тракторист.
- Ну, тогда давай по существу.
- По существу – вот: осуществляя плановую уборку снега...

Денисов замахал руками, поморщился.

- Своими словами! Ты же не доклад на пленуме читаешь!

– Короче, где-то в девять тридцать я поднялся на Подкатную горку, а там – труп. Прямо посередине дороги!

- Да ну? Прямо посередине? И что?

– Я остановился, осмотрелся – крови нет! Думаю, ну, может, он от старости помер или на морозе околел. У меня знакомый в районе, он чучела делает. Думаю, отвезу ему. А что? Раз крови нет – значит не подстрелили. Раз не подстрелили – значит шкура целая.

- И что? Цела шкура?

- Какое там! – возбужденно замахал треухом Красилов. – Горло вдрызг разодрано!

- Вдрызг? А крови нет?

– Так вот и я о том же! Ни вокруг, ни под ним! А самое странное, – Петька понизил голос, – что рана светлая!

Денисов встал из-за стола, прошелся по кабинету, сцепив руки за спиной. Ему не надо было объяснять, что значит светлая рана при отсутствии крови – сотню раз видел, как свиней режут.

- Следы?

Петька отрицательно помотал головой:

– Под утро снежок, конечно, прошел, но не такой сильный, чтобы все завалить. Волчьи следы есть, да поди разбери – его или другой зверюги?

– Стало быть, убили его в другом месте, – раздумчиво проговорил участковый, – выпустили всю кровь, а потом вывезли и подбросили на Подкатную горку. Так?

Красилов отчаянно замотал головой.

- Ну?

– Вот смотрите: например, я убил волка. – Петька рубанул треухом воздух. – Как я его убил? Зубами горло перегрыз, что ли? Ну, пусть зубами. Это же браконьерство получается? Ведь если самозащита – то чего бы скрывать? Хорошо, теперь мне надо отвести от себя подозрение, избавиться от трупа. Я грузю волка в машину – в багажник, если она легковая, или в кузов, если грузовик. Вряд ли на сиденье рядом с собой положу, неприятно это, так? Теперь приехал я на место, выхожу из машины, открываю кузов или багажник, так?

Денисов заулыбался, поняв, к чему клонит тракторист.

– Не так, Петька, не так. Если бы ты вышел из машины – оставил бы следы. А следов нет, верно? Молодец! Тебе точно нужно в школу милиции поступать, хороший следователь может из тебя получиться. Только ошибку ты все же допустил: зачем забрал волка с места? Первое заглавное правило – ничего не трогать до приезда криминалиста.

– Ага, конечно! – обиделся Красилов. – А поехал бы кто да увидел? Это я такой сознательный, вам улику привез, другой бы мог, не задумавшись, домой забрать и друзьям как трофеем демонстрировать!

– Тоже верно, – кивнул участковый. – Хвалю за сознательность! Ну, утомонились они там?

Собаки действительно притихли. Устав брехать да наскакивать на ковш, попадали в снег. Дышали тяжело, подрагивали настороженно, но по родным дворам разбредаться не спешили. На смену им пришли люди – человек пятнадцать односельчан, включая председателя, столпилось возле трактора. Денисов открыл сейф, достал казенный фотоаппарат в кожаном футляре и планшет с блокнотом.

- Пойдем, Петька, займемся описанием...
- А я, знаете, Федор Кузьмич... – Красилов смущенно потер нос. – Ну, когда собаки в селе взбеленились, знаете, что подумал?
- Ну?
- Что это оборотень! Глупость, правда?
- Денисов внимательно на него посмотрел.
- Конечно, глупость. Оборотень после смерти обратно в человека превратился бы.

* * *

Разумеется, волк оказался обычным волком. А вот рана его – далеко не обычной. Горло было не перерезано, не проткнуто, а именно разорвано, но кто из обитателей здешних лесов мог оставить такую рану – не сказал бы даже самый бывалый охотник.

Денисов делал записи в блокноте и все больше мрачнел. Почему-то докладывать о случившемся в район не хотелось совершенно.

К часу – участковый видел в окно – вернулся отвозивший Макарского Витька, но вернулся не один: с заднего сиденья «виллиса» выбрался молодой человек в дорогом пальто, зашел вслед за шофером в контору.

«Ну и слава Богу! – облегченно подумал Денисов, угадав, что за посетитель у председателя. – Стало быть, само разрешится».

Впрочем, догадка его была верна лишь отчасти.

Минут через десять в дверь кабинета постучали.

– Федор Кузьмич, ты тут? – вежливо осведомился председатель. – Тут товарищ из райкома партии побеседовать с тобою хочет. Найдешь время?

– Здравствуйте, здравствуйте! – радушно улыбнулся Денисов, поднимаясь из-за стола и протягивая ладонь для рукопожатия. – Участковый оперуполномоченный лейтенант Денисов. Очень рад, очень рад!

– Угорь Евгений Юрьевич, – представился молодой человек.

– Располагайтесь! Разденетесь? У меня тут тепло. Впервые у нас?

«Товарищ из райкома», казалось, был несколько огорошен благодушным квохтаньем пожилого милиционера. Пальто послушно снял, оставшись в светлом костюме хорошей шерсти. «Тонковата одежда! – отметил Денисов. – Хоть и шерстяная, а нашим морозам не помеха. Впрочем, ежели его всюду на машинах доставляют...»

– Семен Семеныч, ты гостя нашей водой уже поил? Нет? Непорядок! Вам, Евгений Юрьевич, непременно следует попробовать нашу колодезную воду! Хоть чай был бы сейчас более уместен, но поверьте – вы не пожалеете! Семен Семеныч, дорогой, не в службу, а в дружбу – ведерко в сенях стоит, принеси свеженькой!

Председатель, и сам немного оторопевший от многословности участкового, вышел в сени, загремел ведром. Проводив его взглядами, оба шагнули в Сумрак.

Время ощутимо замедлилось, звуки сделались глухими и протяжными. В окошко было видно, как размытая фигура председателя плавно скользит к колодезному срубу.

– Угорь Евгений Юрьевич, – снова представился гость. – Иной, Светлый, руководитель районного Ночного Дозора.

– Третий ранг – и руководитель? – усмехнулся участковый.

Приезжий смутился.

– Туше! – с достоинством кивнул он. – Руководитель я, получается, сам себе. Месяц назад назначен на должность переводом из области. Активный состав – один сотрудник, оперативный резерв – ноль целых ноль десятых... Федор Кузьмич, я тут, конечно, по другому делу, но и этого вопроса был намерен коснуться, так что лучше сразу. Федор Кузьмич, пойдете в Дозор?

– Расширяетесь, значит?

Дозорный неопределенно пожал плечами.

Денисов отошел к окну, уперся кулаками в подоконник. Председатель едва-едва одолел расстояние до колодца, Райка-продащица на крыльце сельпо душераздирающе-бесконечно зевала, снег пошел – вернее, пара-тройка снежинок повисла за стеклом почти без движения.

– Вам нужно подумать? – осторожно спросил Светлый маг.

– Да что тут думать? – Денисов отлип от окна, вернулся за стол. – Нечего думать. Извините, Евгений Юрьич, не мое это.

– Почему – не ваше? – удивился Угорь. – Вы четверть века занимаетесь охраной порядка как сотрудник милиции, по сути, я не предлагаю вам ничего нового. Но вы – Светлый Иной, вы могли бы принести гораздо больше пользы в этом качестве!

С улицы послышался тоскливый протяжный скрип – Семен принялся раскручивать колодезный ворот, опуская ведро.

– Гораздо? Гораздо больше? – переспросил Денисов. – И какой же пользы? Что – Темные активизировались?

– Да нет, – пожал плечами маг, – создание районного отделения Ночного Дозора – это мера, скорее, превентивная... м-м... профилактическая.

– Я знаю, что означает «превентивно», спасибо. Ну, в таком разрезе я и вовсе не вижу смысла. Здесь я на своем месте, занимаюсь реальными делами. Что предлагаете вы – сидеть в кабинете, вести учет знахаркам и ведуньям?

Давненько Денисов не ходил в Сумрак, забыл, что не стоит здесь проявлять эмоции. Чем больше волнуешься, возмущаешься, злишься – тем активнее он сосет твои силы. Участковый отдышался, привел в порядок сердцебиение, продолжил спокойно:

– Думаете, вы первый, кто предлагает мне вступить в Дозор? Ну-у, энто вы ошибаетесь. Сразу после войны, как только вернулся сюда, в тот же день предложение и поступило. И аргументы такие же – профилактика. Дескать, время тяжелое, жители ослаблены, мало ли какая нечисть забредет? И знаете, Евгений Юрьич, я ведь и впрямь задумался! Дали мне брошюрку агитационную... Сейчас, наверное, таких не печатают? А там все так правильно написано было, такими словами!.. Ну, нас, фронтовиков, знали чем зацепить. – Денисов усмехнулся. – Попросил я дополнительные материалы – и про иерархию, и про историю, и про Договор... Почитал, покумекал, а как явились ко мне за ответом, спрашиваю: «Вот, к примеру, товарищи дорогие, такая ситуация – вампир на моих глазах сосет кровь...»

Угорь вздрогнул, и это не укрылось от взгляда Денисова. Усмехнувшись, он продолжил:

– «...Как в такой ситуации должен поступить я-дозорный?» Мне отвечают – дескать, следует проверить регистрацию, лицензию... Я им: «Тоись, ежелыше с документами у кровососа все в порядке – я пройду мимо, отпущу убийцу?» Они мне – да, так положено. «А ежели, – говорю, – остановлю его, то сам стану нарушителем?» Ответ положительный. И тут я заявляю: «А вот если я наткнусь на такую ситуацию, будучи не дозорным, а обычным милиционером, я имею полное право вурдалака шлепнуть! Верно? Ну и зачем тогда мне энти ваши Дозоры?»

– Вы описали примитивную, надуманную ситуацию, – медленно проговорил маг. – Будь вы обычным человеком, вы просто не увидели бы ни вампира, ни его жертву. К тому же вампиры – низшая каста. Куда большее зло исходит от тех, кто посильнее, а с ними вы едва ли справитесь при помощи табельного оружия.

Скрип колодезного ворота достиг самой пронзительной ноты.

– И много таких в нашем районе? – Денисов скривился – то ли от сарказма, то ли от невыносимости скрипа. – Я понимаю, вы тут человек новый, вам кругом нужно быть... э-э... профилактически внимательным. Но мне-то, старожилу, поверьте – Темных сколь-нибудь серьезного уровня здесь нет.

– А появятся? Сможете защититься без помощи Дозора? Раз вы не сотрудник – вам нельзя пользоваться Силой. Справитесь?

– До сих пор справлялись как-то. Бог даст – не появятся здесь монстры.

– Ну-ну... – Угорь был ужасно недоволен разговором, раздосадован упертостью старика. – А я вот почитал тут материалы – лет двадцать назад объявилась в соседнем районе банда Темных. Помните?

– Помню.

– Нейтрализовали-то ее не без помощи магов, правда? Ладно, что уж говорить...

– Действительно, – качнул головой участковый, и в этот момент прекратился скрип ворота; оба облегченно выдохнули. – Вы говорили, что пришли по другому вопросу?

– Н-да, – заторопился вдруг дозорный. – Тут вот какое дело... Прямо в тему вашей истории! – Он откашлялся в кулак. – На прошлой неделе я выдал элементарную лицензию... Не смотрите на меня так! Да, выдал лицензию! Лотерею не я придумал! По правилам, бескуд должен был зарегистрироваться...

– Бе-ескуд? – всплеснув руками, протянул Денисов; задумавшись, округлил рот, посидел так несколько секунд, встрепенулс: – Откель же вы его взяли?

– Из Туркмении. Ну, то есть мы-то его не взяли, он сам приехал. Молодой педагог из Ашхабада, в прошлом году окончил тамошний университет, попал в наши края по распределению, работает в соседнем районе учителем химии. Учитель-то он, говорят, неплохой, но... Ладно, что уж воздух сотрясать! В общем, у элементарной лицензии ограниченный срок действия. Собственно, вчера он заканчивался, но на регистрацию никто так и не явился.

– И?..

– Я поехал проверить жертву, но ее... его на месте не оказалось. Вчера вечером он отправился в Светлый Клин, с тех пор его никто не видел.

– Фамилия? – холодея, спросил Денисов.

– Крюков Николай, пятидесятого года рождения. Знакомы?

– Угу, – буркнул участковый. – Жених моей дочери.

– Что... Как?!

– Вот так, мил-человек... простите – Иной.

– Но ведь он...

– Да знаю, знаю. Я против, но девке-то не объяснишь! Эх... Столько парней в селе, а она... Пойдите! – Денисов даже привстал. – Тоись вы, зная, что он потенциальный Иной, выдали на него лицензию? – Плюхнулся обратно. – Энто как же?

Законопослушным вампирам, бескудам и прочей кровососущей нечисти, которая чтит Договор и не нарушает установленных правил, периодически полагался вот такой бонус – живая человеческая жертва. Против природы не попрешь, и донорская кровь, а также кровь диких животных и домашнего скота не может полностью заменить «натурпродукт». Уж как только Ночной Дозор ни пытался добиться повсеместного сокращения или полного запрета лотереи, но Договор есть Договор, и посему Светлые вынуждены были регулярно давать «добро» – подписывать лицензии на конкретную жертву для конкретного охотника. Имя жертвы выпадало случайно из общего списка людей, проживающих на территории районных Дозоров. В список не могли быть включены дети до двенадцати лет, беременные женщины, родственники Иных первого порядка – родители, братья-сестры и так далее, плюс, конечно же, сами Иные – как уже сформировавшиеся, так и потенциальные. И вдруг в их число каким-то образом попадает Колька. Невероятно!

– Федор Кузьмич, вот вы лично как давно знаете, что собой представляет Крюков? А кому вы об этом сообщили? Вот то-то! В районе не было Дозора, информация о выявленных потенциальных Иных в областное управление поступала нерегулярно, от случая к случаю. В наших списках Крюков значился как обычный человек. И только когда уже выпал жребий...

– Ах, голова! Вот энто голова! Энто ж не голова, а прям... – Восторженно сжав кулак, Денисов весомо потряс им, подбирая слова. – Прям башка! Значится, выпадает жребий, ты проверяешь и обнаруживаешь, что жертва – будущий Иной. Причем скорее всего с вероятностью процентов девяносто – Темный Иной. С одной стороны, лотерею надо бы переиграть. Так? С другой стороны – зачем в районе лишние проблемы? Отделения тут у Темных нету, тоись, может статься, они про Крюкова имеют ту же информацию, что и твой областной Дозор. Ну, вроде как он – обычный человек. Зачем же переубеждать их и переигрывать лотерею? Нужен тебе ишшо один Темный на территории? Конечно, нет! Ну, так пусть одна нечисть у-кон-тра-пупит другую – и дело с концом! – Трудное слово сельский участковый произнес по слогам. – Зачем ждать подлянки из-за угла, когда можно ее устранить загодя? Правильно я говорю? Молодец!

Угорь даже покраснел от удовольствия. «Не понял!» – тоскливо констатировал Денисов.

– Тут ить ишшо вопрос – как устранить? – продолжил он. – Вот ежели бы по лицензии приехал вампир – он Силу-то в Николае почувствовал бы, доложил в Дневной Дозор, а уж там приложили бы максимум усилий, чтобы привлечь Крюкова на свою сторону. Бескуд – энто же другой коленкор! У бескуда во время охоты вообще мозги выносит... Молодец! Этак ловко чужими руками потенциальную угрозу ликвидировать! Превентивная мера... – Денисов встал, прошелся по кабинету, заложив руки за спину. – На фронте энто называлось «упреждающий удар». Вот только упреждающий – он бывает в ответ на какое-то действие врага, планируемое или едва начатое. Если же с той стороны нет никакого движения, никакого намека на атаку, такой удар – провокация, а не превентивная мера. Жил-был Колька Крюков, хороший тракторист, веселый парень, влюбленный в дочку деревенского участкового... А потом пришел... р-руководитель Светлых – и пустил парня на корм. М-м?.. Хорошо вышло?

Угорь сидел потупившись, изучал собственные ботинки.

– Ты погляди в окошко-то! Здешняя жизнь – она медленная, плавная, будто ты за ней из Сумрака наблюдаешь. Здесь не качает вправо-влево, здесь если и появляются маги, то такие слабые, что могут всю жизнь прожить, не осознав своих отличий. Здесь Темная старушка-знахарка может быть уверена, что лечит травами, а влияние Светлой целительницы – на уровне обычного убеждения. Ты вот упреждающий удар нанес – полегчало? Сделал счастливым человечество? Может, моя дочка от счастья разрыдается, а я ей вторить стану?

– Не ошибается тот, кто сиднем сидит! – угрюмо проговорил дозорный.

– Ну? Хороши же у тебя ошибочки, Светлый!

– А я не о себе! – Угорь поднял голову, прямо посмотрел Денисову в глаза. – Этот бескуд мог еще лет сто спокойно учить детей химии в соседнем районе или вернуться и жить в своей Туркмении, пачками жрать людей по лицензии – и ничего! Я выдернул его с насиженного места, заставил прийти на незнакомую территорию – и он тут же допустил оплошность. Он не зарегистрировался, а это приравнивается к преступлению. Теперь я имею полное право... применить санкции.

– Я и говорю – провокация. Ты думаешь, ответа не последует?

– Посмотрим! Минутку!

Угорь вынырнул из Сумрака – только для того, чтобы «усыпить» вошедшего в кабинет председателя. Тот с блаженной улыбкой подвинул освободившийся табурет к голландке, открыл дверцу, зачарованно уставился на огонь. Следом из Сумрака вышел и Денисов – спешить теперь было некуда, а разговаривать проще в реальном мире.

– Ты давно ли в Дозоре, р-руководитель? – тихо спросил участковый.

– Пять лет. Начинал оперативником в областном отделе.

– Боевой маг, стало быть? Ну-ну...

– А что? – вскинулся Угорь.

– Да боевые маги по части интриг... ты только не обижайся, Евгений Юрьич! – Денисов и сам не заметил, когда и как перешел на «ты». – По части интриг боевые маги всегда были в проигрышном положении. Вот ты бескуда искать собрался – а не было тут бескуда! Вампир был.

– Как?!

– Больше скажу – молодая вампирша. Только Крюкова она не тронула.

– Откуда вы знаете? Вы ее видели?

– Саму – нет, а жертву ее – видел. И тебе бы показал, да только труп мы уже сожгли, а фотографии еще не готовы.

– Убийство без лицензии?

– Убийство, да. Только не человека – волка. Не карается. По вашим законам – не карается. Я бы мог привлечь ее за браконьерство, но ведь отбредется, скажет, что самозащита была. Ведь не из ружья же убила, не ножом – голыми руками.

– Ничего не понимаю! – Дозорный помотал головой.

– Я думаю, раскусили твою игру, Евгений Юрьич. Прознали про то, что Колька может вырасти в полноценного Иного. Может, бескуд приехал к Крюкову, да что-то почуял и не стал трогать, сообщил кому следует. А может, в ориентировках Дневного Дозора он уже давно числился потенциальным Иным – отделения-то у них тут нету, энто верно, но сведения им местные Темные могут поставлять на общественных началах, прямиком в областной центр.

– Она... вампирша сейчас в селе?

– Скорее всего в районе. А поскольку на вверенной тебе территории зарегистрированных Темных такого уровня нет – значит, ждет авиарейса до области.

– Федор Кузьмич, мне срочно нужно туда попасть!

Участковый развел руками:

– Рейсовый автобус через час. Хочешь скорее – буди председателя.

– Вы должны поехать со мной!

– Должен? – Денисов изогнул бровь.

– Помогите мне! Во-первых, вы ее знаете...

– Я? – изумился участковый. – Да откуда же?

– Вы сами только что говорили – не вампир, а вампирша, молодая...

– А... – Денисов махнул рукой. – Так энто косвенные данные. Бескуд высасывает всю жидкость, включая лимфу и семя, – но волк не превратился в мумию. Энто раз. Рядом с трупом волка никаких следов не обнаружилось – значит, оборачивалась нетопырем и нападала с воздуха. Энто два. А вот рядом с тем местом, где предположительно появился Крюков, я обнаружил пару интересных следов – женские сапожки на высоком тонком каблуке.

– Почему вы думаете, что эти следы – не местных модниц?

– Агентура, – пожал плечами участковый. – Имея дочь и жену, можно многое узнать о привезенном в магазин товаре, о приобретениях тех, кто съездил в район... Нет, здешние красавицы даже на концерт придут в валенках – пусть не так нарядно, зато пальцы не отморозишь. Ну, что ж... давай съездим в город. Ты только не думай, что я...

– Да понял, понял! – раздраженно перебил дозорный. – Едете, чтобы проконтролировать – чтобы я дров не наломал, так?

– Верно мыслишь, р-руководитель! – улыбнулся Денисов, но тут же помрачнел. – А ишшо потому еду, что понятия не имею, куда делся Крюков.

* * *

Полтора часа спустя, вдоволь наслушавшись претензий от горячего парня Витьки, председательского водителя, второй раз за день провожающего гостей в район, пожилой милиционер и молодой дозорный вошли в здание аэровокзала.

Вампиршу Денисов вычислил сразу же, не входя в Сумрак: сидела в крохотном зале ожидания, болтала ножкой в обтягивающем сапожке тонкой кожи. Молодая, симпатичная. Спокойная абсолютно.

Зато заволновался Угорь – в углу расположилась компания туристов, ожидающих рейса: несколько молодых людей и девушек с кучей палаток и баулов со спальниками. Похоже, даже семейные пары среди них были. А один парень лет тридцати был с ребенком – наверняка сыном. И вот этот самый отец был Темным магом. Куда более опасным, чем вампирша.

Денисов с дозорным не спеша подошли к девушке, участковый, кряхтя, уселся напротив.

– Я извиняюсь, гражданочка, ваша обувь, случайно, не с подогревом будет? Если нет – то какой же это терморегуляцией нужно обладать, чтобы ночью, в самый лютый мороз, на нашей Подкатной горке не околеть?

– Здравствуй, хитрый дедушка! – Вампирша улыбнулась, иронично выгнув бровь. – Я думала, ты меня раньше отыщешь!

– Да я и не искал! – комично замахал руками Денисов. – С чего бы мне тебя искать? Разве нарушила что-то? В селе все живы-здоровы... Или ошибаюсь?

– Живы, живы, – не переставая улыбаться, кивнула девушка. – Не знаю, здоровы ли, но живы.

– Вот и я говорю – законопослушная гражданка! Но другое ведомство мне почему-то не верит.

– Как грустно! – надула губки вампирша, переводя взгляд на дозорного. – Сейчас день, Светлый, сейчас не твое время нести службу!

– Ваше имя! – потребовал маг.

– Анюта. – Она показала ослепительно-белые зубки. – Мельникова Анна, Дневной Дозор.

– Почему не зарегистрировались по прибытии в район? – нахмурился Угорь, уже почуяв неудачу.

– Оперативное задание, специальные полномочия. А что, какие-то претензии?

Темный маг, разумеется, с самого начала следивший за разговором, сказал пару слов попутчикам – видимо, попросил последить за сыном. Поднялся, потряс кистью правой руки и медленно направился к Анне, стал за ее спиной.

– Какие-то проблемы? – в тон ее вопросу мурлыкнул он.

Угорь заворуженно уставился на его правую руку. Денисов не заходил в Сумрак, поэтому не мог видеть, что там происходит в ладони Темного, но по всему выходило, что ничего хорошего: Светлый дозорный напрягся.

– Что вы, что вы! – вновь замахал руками милиционер. – Энтю наши местные тараканы, не обращайтесь внимания, отдыхайте, ожидайте посадки!

– Он мне грубит? – удивленно уточнил Темный у вампирши.

– Этот хитрый дедушка? Он никогда не грубит.

– Может, мне попросить их удалиться?

– Зачем? Мы мило беседуем...

– Ну, как скажешь. Если понадобится помощь – зови!

Вампирша развернулась к Темному всем корпусом, вытаращила глаза, прыснула в неожиданном приступе веселья.

– Тебя?! Тебя звать? Смеешься? Это же Светлый Клин! Если мне, не дай Тьма и Свет, понадобится помощь – я даже пикнуть не успею!

Буркнув извинения, Темный ретировался, оставив дозорного в изрядном удивлении, а участкового – в искреннем смущении.

– Так что ты хотел знать, Светлый? – На руководителя районного отделения Ночного Дозора девушка даже не смотрела, а вот Денисова разглядывала с интересом.

– Раз ты сама заговорила об оперативном задании... не просветишь нас, м-м?..

– Сотрудничество? – Вампириша захлопала в ладоши. – Мне премия будет полагаться? За вредность?

– А как же! – улыбнулся в ответ Денисов. – Лично в колхозе выхлопочу!

– Издеваешься, да? – надула губки. – Ну и ладно! Все равно ничего секретного за душой не имею, так что и проболтаться не жалко. Жил в соседнем от тебя колхозе парень Колька...

– Ты предысторию-то того, пропусти! – разрешил Денисов.

– Как скажешь, хитрый дедушка! – Девушка покорно сложила ладошки. – Ну, ты и сам знаешь, как ловко решил подставить Николая под клыки дозорный. За что? Только потому, что тот мог однажды стать Иным не того оттенка? Как это жестоко! Ведь у парня только-только личная жизнь начала складываться, невеста такая чудесная...

– Без подробностей, пожалуйста, красавица!

– Да как же без подробностей, если в них весь смысл? Не мне вам рассказывать, что первый шаг в Сумрак чаще всего происходит в минуту предельного выплеска эмоций – волнения, радости, страха. От того, с каким настроением потенциальный Иной сделает этот шаг, зависит – Темным он станет или Светлым. Вот ты как будущий тесть какой цвет предпочел бы?

– Как будущий тесть я предпочел бы, чтобы муж Катерины был обычным человеком.

– Ну, тут тебе не свезло! – Вампириша огорченно покачала головой. – В общем, парня надо было спасать, но спасать с выгодой для себя.

– И вы подослали Макарского, чтобы он на глазах у Николая соблазнил его невесту, м-м?.. Ну, чтоб уж наверняка, чтоб уж никакого, даже самого завалящего шанса стать Светлым у парня не осталось.

– Точно! – обрадовалась Анна.

– Хорошо. А ты-то для чего к нам поперлась?

– Проконтролировать.

– То есть, если бы Крюков ини-циа-лизировался как Светлый, ты бы его тут же и употребила?

– Ага! – Вампириша аж облизнулась.

– Стало быть, все же Темный...

– Догадался, да?

– Окажись он Светлым, тебе не понадобился бы волк.

– Верно! – Вампириша поморщилась. – Все утро псиной воняю!

– Вот видишь, Евгений Юрьич? – обернулся к магу Денисов. – Обыгрывают тебя Темные по части интриг. А вообще – вы друг друга стоите. Не противно тебе? Ладно... Николая просветила?

– А смысл?

– Родился новый Темный – у вас же праздник должен быть, нет?

– Да это у тебя должен быть праздник! Радуйся, хитрый дедушка – он в таком бешенстве был, такой негатив выпустил!.. У меня аж дух захватило, когда я увидела, сколько Силы выплеснулось зазря! Пустой он теперь, надолго пустой. Но мы же не спешим, правда?

– Едрить твою редиску, я извиняюсь! И где же он теперь?

– Нашлась добрая душа, – томно потянулась Анюта, – забрала к себе, бездыханного, отогрела, спать уложила...

– Кто? – строго спросил Денисов, и вампирша как-то сразу сообразила, что шутки закончились.

– Я почему знаю? Дом с тремя окнами напротив клуба вашего, ставни резные, маленький кедр в палисаднике растет...

– Зойка, стерва! – сообразил участковый и заторопился. – Дозорный, у тебя ишшо есть вопросы к даме?

– Н-нет...

– Ну, тогда прощай, красавица.

– Рада была познакомиться лично, Светлый Клин!

* * *

Витька грыз ногти. На панели стоял современный радиоприемник, который, едва дозорный с участковым уселись в «виллис», возвестил:

– В эфире программа «В рабочий полдень».

– Полчетвертого уже, пора нам.

– Погодите, Федор Кузьмич! Почему она вас знает? Почему называла Клином?

– Светлым Клином, – усмехнулся Денисов, – как село наше – Светлый Клин. Это соседняя деревенька Вьюшка перед войной переименовалась в колхоз «Светлый путь», а наше село испокон веков так называлось. «Клин» даже побоевители «Пути» выглядит, верно? Даже не пришлось убеждать товарищей из райкома партии. Когда-то давным-давно, отсекая вражеское войско, вбили наши пращуров клин между востоком и западом... Та война давно закончилась, а Светлый Клин так и остался сторожить русские города от набегов с востока. Историю надо учить, дозорный!

– Вы-то тут каким боком? Вроде маг вы не такой великой силы, чтобы в одиночку противостоять... кому бы то ни было.

– Силы, может, и не великой, но есть у меня, как и у моих предков, право однажды воспользоваться воздействием первой степени – в экстренных случаях, разумеется. Ты вот сегодня помянул банду Темных, которые двадцать лет назад тут бедокурили...

– Так все же вы?..

– Не я – «Светлый Клин». А в награду за такие дела право на воздействие продлевают... много сотен лет уже продлевают.

– Теперь понятно...

– А раз понятно – не ворошил бы ты наш сонный муравейник, а? Живи себе спокойно! Обходились мы без превентивных мер – и дальше обходиться будем! Сам же видишь, что вышло...

Угорь потер переносицу, решил:

– А как вы теперь с Николаем?

– Ну, ты же слышал! – развел руками Денисов. – Любовь, что тут попишешь? Авось сдержим темноту-то его как-нибудь...

– Нам пишет инженер Ильин из Москвы, – сообщил радиоприемник приятным женским голосом. – «Недавно в эфире вашей программы слышал веселую песню про солдата в исполнении ансамбля «Машина времени». Есть ли в репертуаре этого музыкального коллектива другие композиции?» Уважаемый инженер Ильин, буквально на днях молодые музыканты из ансамбля записали на радио несколько своих песен. Одну из них мы и предлагаем вашему вниманию...

Вчера я шел домой в начале ночи,
Когда Москва затихла наконец,

И видел, как проходит через площадь
На редкость необычный продавец.

Он был одет в пурпурные одежды,
Над ним в тумане пели соловьи.
Он продавал на лучшее надежды,
И счастье, и безоблачные дни.

Денисов оторопело поморгал, посмотрел на дозорного жалобно:

– Ну вот зачем, а? Ну зачем?

И я хотел купить себе удачи,
И я полез за мелочью в карман,
Но он угрюмо буркнул: «Нет удачи»,
И не спеша ушел в ночной туман.

– И это тоже – превентивная мера?

– Да бросьте! Молодежь дурачится...

Сегодня я всю ночь провел в дозоре
И до утра бродил по тем местам.
И с кем угодно я готов поспорить,
Что продавца не встретить больше там¹.

– Дурачится, говоришь? – Участковый вздохнул. – Ты знаешь, сколько гадости в ответ на такое дурачество приползет на радио со стороны Темных?

– Не пропустят! – с сомнением возразил Угорь.

– Твоими бы устами... твоими устами...

* * *

В Зойкин дом Катерина ворвалась первой – отец едва поспевал за ней. Зойка оказалась в передней комнате, сидела возле постели, на которой метался Николай – красный, потный, бредящий.

– Отползи, шалава! – прошипела Катька так, как и не снилось Маргарите из «Дамы с камелиями».

Денисов стоял в дверях и с грустью думал: «Ну, как-нибудь выдюжим... как-нибудь пере-силим...»

¹ Использован текст песни «Продавец счастья» ансамбля «Машина времени».

Глава 2

Евгений Угорь меланхолично жевал пирожок с капустой, стоя за высоким столиком-грибком в кафетерии при бакалейном отделе единственного в городе крупного универсама. В областном центре, где он несколько лет проработал оперативником, при отделении Ночного Дозора была собственная столовая, в которой сотрудников кормили, может, и не слишком изысканно, зато от пуза и по-домашнему вкусно. В любой момент дня и ночи – едва придя на службу или, наоборот, вернувшись после операции – можно было заглянуть в столовую и получить в зависимости от времени суток и аппетита бутерброд с чаем, миску гречневой каши с подливой или тарелку борща со сметаной. Попав руководителем нового отделения в небольшой городок районного значения, Евгений впервые в жизни столкнулся с проблемой питания. Мало того что он вынужден был заниматься одновременно административной, профилактической и оперативной работой, так еще и профессию повара, что ли, осваивать?

В центре городка, на одном пяточке с райкомом, отделением милиции и почтой, находилось сразу два заведения – «Ресторан» и «Пельменная». Правда, о наличии ресторана Угорь знал только благодаря неоновой вывеске – само помещение было на ремонте, крыльцо полностью разобрано, окна густо замазаны белой краской, но вывеска почему-то до сих пор ежевечерне включалась кем-то и ярко горела в темноте, освещая проезжую часть лучше, чем ряд фонарей. За те два месяца, что он провел здесь, никаких подвижек в ремонте замечено не было. В «Пельменной» же, несмотря на волнующее сердце любого сибиряка название, подавали всегда одно и то же – прохладные слипшиеся комки разваренного теста с редкими вкраплениями сомнительного на вид фарша. Трижды Угорь с надеждой заглядывал в «Пельменную», но попробовать фирменное блюдо на вкус не рискнул.

Он, возможно, так и перебивался бы макаронами, яйцами вкрутую и булочками-калорийками всухомятку, если бы однажды не набрел на этот универсам, который хоть и находился по местным меркам далековато и от рабочего кабинета, и от служебного жилья, зато мог похвастаться свежей и, что самое важное, сытной выпечкой. В зависимости от настроения Угорь выбирал пирожки то с картошкой, то с грибами, то затаривался ватрушками, то баловал себя огромной кулебякой с румяной корочкой и сочной начинкой. К выпечке он обычно заказывал стакан какого-нибудь сока – опять же, под настроение. Напитки тут разливали не из специальных установок с краниками, а напрямую из пузатых трехлитровых банок, которые Евгений довольно скоро привык называть на местный манер – «баллонами». Ассортимент внушал уважение: заказывая каждый день разные соки, только на третью неделю ему удалось перепробовать их все. Сегодня к пирожкам с капустой он выбрал томатный.

Продавищицы в отделе работали посменно, менялись каждые полдня. Обе довольно быстро стали узнавать своего постоянного посетителя, улыбались и даже успевали обменяться с Евгением короткими фразами – о погоде, о кино. Дородная тетя Нина обычно сокрушалась по поводу того, каким худым и изможденным выглядит молодой человек. Совсем юная Вера этого вопроса не касалась, но так и норовила и соку налить побольше, и пирожок для него выбрать покрупнее. Сейчас, глядя на то, как она, обслуживая очередного покупателя, тонкими пальчиками пытается удержать над граненым стаканом скользкий от потеков и довольно тяжелый «баллон», Евгений размышлял, имеет ли он право посодействовать универсаму в приобретении установки для розлива напитков.

Для вечера народу в магазине было немного, а в кафетерии и вовсе три-четыре покупателя, не больше. Возле соседнего столика-грибка медленно цедил абрикосовый нектар строитель в теплой рабочей спецовке, пытливо и даже бесцеремонно разглядывающий женщину из очереди. Любопытства ради Угорь присмотрелся к объекту столь пристального внимания – да, весьма и весьма симпатична. На актрису Фирсову похожа, ту, которая очень много снималась

в послевоенных фильмах. Похожа настолько, что можно было запросто предположить какие-то родственные связи: женщина могла оказаться племянницей или даже дочерью известной актрисы. Евгений хмыкнул – вряд ли строителю что-то светит. Во-первых, достаточно взглянуть на дорогое пальто и изысканные английские сапожки. Во-вторых, этот изгиб бровей, эта горделивая посадка головы, этот романтично-отрешенный взгляд... Нет, тут без шансов! Впрочем... Интересно прикинуть возможные варианты развития событий – оперативник даже на отдыхе продолжает работать. Со скептической улыбкой Евгений поднял с пола свою тень и шагнул в Сумрак.

Шагнул – и остоленел.

Женщина была ведьмой, и она прямо здесь и сейчас совершала преступление. Умело и аккуратно, мелкими «глоточками», словно молочный коктейль через трубочку, она тянула жизненные силы из стоящего перед нею в очереди мужчины. Так аккуратно, что мужчина даже не забеспокоился, хотя должен был почувствовать слабость и головокружение. Так умело, что даже Сумрак не волновался, иначе дозорный ощутил бы хоть слабое, но существующее перераспределение энергии в непосредственной близости от себя. Она никуда не торопилась, она не бездумно хапала халявные порции у всех окружающих – она, будто клещ, присосалась к единственной жертве и, судя по отсутствию охотничьего азарта в оттенках ауры, намеревалась пользоваться выбранным источником продолжительное время. Она ничего не боялась. Вообще ни грамма. И это взбесило оперативника больше всего.

– Ночной Дозор! – рявкнул он, сплетая правой рукой атакующее заклинание. – Немедленно выйти из Сумрака!

Реакция воровки оказалась странной – она не подчинилась требованию, не попыталась сбежать, не нанесла удар... Она даже не прервала свою трапезу! Обернулась на окрик, хищно оскалилась, зашипела – и все. Долбанув по отделу заклятием отторжения (похоже, придется насильственным образом вытаскивать преступницу в реальный мир, и совсем не обязательно, чтобы свидетелями этому стали продавщица и припозднившиеся покупатели, которые теперь вообще не обратят внимания, что бы ни происходило), дозорный двинулся к ведьме, с угрозой поигрывая подвешенными к ладоням «фризом» и классическим файерболом. В ответ на повторный приказ покинуть Сумрак она утробно заворчала, разворачиваясь к Евгению всем корпусом и принимая какую-то нелепую борцовскую стойку. На мгновение это смутило дозорного – так собака защищает свою косточку, но еще ни разу на веку оперативника браконьер Темный не пытался защитить свою добычу. Придержав файербол, Угорь вдарил более гуманным «фризом» – заклятием локальной заморозки времени.

А потом начался позор, о котором и вспоминать стыдно.

* * *

Незадолго до Нового года морозы набрали такую лютую силу, что на поселковом собрании было решено отменить занятия в школе (в ясли и детский садик детишки уже неделю не ходили). Колхозное правление, вдрызг переругавшись меж собою, все же постановило отпустить на вынужденные каникулы работников гаража и пилорамы – что толку выходить на работу каждое утро, если ни одну машину завести нет никакой возможности? Да что гараж – в добротных сибирских домах едва спасались от стужи, и хоть дважды за ночь Денисов вставал, чтобы подбросить в печь дров, вода в умывальнике к утру все равно замерзала.

Деревня в эти дни будто вымерла. Поутру еще можно было увидеть кого-нибудь из конторских, бойко и хрустко топающих валенками по заснеженным дорожкам, рысцой спешащих из домашнего тепла в тепло кабинета, а днем такая прозрачная, гулкая тишина придавливала все окрест, что скрипнет калитка на другом конце Светлого Клина – слышно, треснет полено в голландке у соседей – слышно.

В такие дни хорошо запереться дома и, напившись чаю, сладко шурясь от ползущего из-под печной заслонки жаркого марева, сонно листать пожелтевшие страницы читаной-перечитаной книжки про Холмса и Уотсона... Однако служба есть служба, и участковый оперуполномоченный по-прежнему дважды в день выбирался в стужу и гулкую тишину Светлого Клина – узнать новости, убедиться в том, что все в порядке на вверенной территории.

Возле конторы, почти напротив милицейского кабинета, председатель только-только закончил впрягать в сани печального каурого Грома с кудрявой от инея мордой, и Денисов не смог пройти мимо.

– Значит, Витьку своего ты бережешь, а колхозного коня – нет? – сквозь зубы спросил он.

– Я пробовал Витьку запрягать – брыкается! – также сквозь зубы ответил председатель.

В подобной манере разговора не было взаимной злобы или вражды, просто если открывать рот шире – можно хапнуть такую порцию холодного воздуха, что уже через час сляжешь с температурой.

– И куда ж ты в такую погодку собрался, Семен Семеныч?

– А у меня, Федор Кузьмич, сейчас только две заглавные проблемы. – Председатель, круглый и грузный от десятка слоев одежды под тулупом, с трудом взгромоздился на сани. – Первая – это как бы утеплить ферму, чтобы коровы не начали доиться сливочным пломбиром. Отопление не справляется, весь жар под крышу поднимается, а внизу сосульки растут. – Председатель сделал паузу, нахмурился, еще ниже надвинул на лоб пыжиковый треух. – Вторая – как людей из леса забрать.

Денисов тревожно прислушался. Передвижной лесопункт второй месяц работал за рекой. Еще неделю назад над холмом в десяти километрах от села рассерженными комарами жужжали бензопилы, взрыкивали трелевочные трактора, а если ветер дул с той стороны, то, стоя у заснеженной глади реки, можно было расслышать и остерегающие окрики мотористов, и треск валящихся кедров. Несколько дней назад бригада, споро вгрызающаяся в тайгу, перевалила через холм, и все звуки, производимые лесопунктом, исчезли. И не понять – то ли холм эти звуки скрывает, то ли и там мороз поработал над техникой.

– Ты, Семен Семеныч, не волнуйся! – попытался подбодрить председателя участковый. – Ребята молодые, сообразительные. И еды у них достаточно, и дизельный генератор есть. Совсем неважно будет – так у них там тайга, не чистое поле: запалят на вырубке всем кострам костер, не замерзнут...

– То-то и оно, что молодые, – с сомнением в голосе возразил председатель. – Комсомольцы, да еще и под руководством Бухарова. Если б сейчас другая бригада работала – уже дома, наверное, отдыхали бы. А бухаровцы – они же в первую очередь о перевыполнении плана думают, а не о том, почему председатель за ними транспорт не шлет! А что я пошлю? Сани? Так ведь не пройдут по вырубкам!

– Ну так снаряди вестового. На лыжах пятнадцать верст за полдня отмахать можно. Им же главное получить команду сворачиваться, верно? А обратно и пешком добегут.

– Так и собираюсь сделать. Вот если и сегодня с трактором не выйдет – пошлю Красилова на лыжах. Он сейчас с твоим Колькой как раз над трактором колдует – пытаются мотор отогреть.

– А Колька тут с какого боку? – озадачился участковый. – Ему в своем «Светлом пути» делать нечего?

– А вот этого я у него не спрашивал! – осерчал председатель. – Он нынче утром забежал в контору, предложил, а я сейчас не в том положении, чтобы от добровольной помощи отказываться!

– Ладно, поезжай, Семен Семеныч, не морозь коня. Я попозже в гараж загляну, узнаю, как и что.

– Так, может, подвезти тебя? – смягчился председатель. – Чего по холоду таскаться будешь?

Но участковый уже переключил внимание на мальчишку, вприпрыжку перемещающегося через центр села. Вглядывался-вглядывался в замотанное шарфом лицо и наконец узнал.

– Галагура, ты?

– Драсьте! – снижая скорость, приглушенно отозвался мальчик, укутанный так, что в узкой щелочке между шапкой и шарфом видны были только глаза.

– Ты продолжай движение-то, не останавливайся, застудишься. В магазин? Вот там меня и дождись, разговор к тебе есть.

Под тяжелыми валенками участкового промерзшая земля, покрытая утоптанном, укатанным снегом, гудела, будто порожняя, будто не по центру села Денисов шел, а по гулкому белому буну, оброненному каким-нибудь шаманом из древних остяцких легенд.

В небольших сенцах магазина участковый обмел валенки стоящим тут же веником и, прежде чем войти внутрь, снял шапку и пригладил еще довольно густые седые волосы. В тепле магазина щеки с мороза моментально запылали, намокли от растаявшего инея ресницы. Десятки запахов переплелись возле стоящих буквой «Г» прилавков – продуктового и промтоварного. От продуктового, справа, доносился аромат свежего хлеба и лаврушки, жареных семечек, табака и конфет; на промтоварном прилавке лежал отрез сильно пахнущего краской ситца, на полочке вдоль стены стоял ряд галош и сапог, и запах резины был таким же резким, как и отраженный в их черных глянцевых боках свет стоваттной лампочки под потолком. И еще один аромат витал над полками с товаром, над выскобленным полом и охапкой березовых дров – аромат вроде бы уместный, но весьма и весьма подозрительный своей концентрацией...

Паренек, которого окликнул участковый на улице, уже отоварился и теперь в ожидании предстоящего разговора послушно грелся возле раскаленного бока голландки с кульком леденцов в озябших розовых ладонях. Движением мохнатых бровей поздоровавшись с продавщицей, Денисов прогудел:

– Ну, доброго дня, Павлик Галагура.

– Драсьте, Федор Кузьмич!

– Жалоба на тебя имеется, Павка! – Денисов оглянулся на Раю, убедился, что та не подслушивает, но продолжил все же шепотом: – Ты чего же грохочешь-то день-деньской?

– И вовсе я не грохочу! – возмутился мальчишка.

– Вовсе? А что же мне тогда Агафоновы говорят? Неужели клевету сочиняют? Ай-ай-ай! Придется мне с ними разобраться!

– Погодите, Федор Кузьмич! – забеспокоился мальчик. – Вы меня не так поняли. Я сказал «не грохочу», но это не значит, что...

– Что? Что у них нет повода пожаловаться?

– Ну, в общем, да, – со вздохом признал Павлик. – Вы же знаете – я барабанщик в пионерской дружине!

– Знаю, Павка, слышал, как ты барабанишь на праздниках. И ловко, надо сказать, у тебя выходит!

– Вот! Видите? Вы говорите – «ловко», а они – «грохочешь, громыхаешь»!

– Ага! – сообразил участковый. – Тоись ты хочешь сказать, что претензию тебе предъявили, когда ты репетировал?

– Ну... – Галагура оттянул край шарфа, освобождая пухлые губы и подбородок. – Если уж совсем вразумлю, то я не то чтобы репетировал... То есть Тимофей Петрович говорит, что руку нужно набивать постоянно, но мне барабан еще в одном деле помогает.

– Энтю в каком же? Ну, ну, не хочешь – не отвечай. – Участковый незаметно усмехнулся. – А только кажется мне, что именно для энтюго дела ты и купил монпансье, нет?

Мальчишка неловко всплеснул руками, едва не высыпав из кулька леденцы, покраснел и будто ошетинился.

– Вот и папка говорит, что вы всегда наперед все знаете, когда спрашиваете! – с обидой и упреком буркнул он.

– Эх, Павка, Павка! Лучшая защита – нападение? Вот что ты чичас на меня разобиделся? Разве я тебя в чем-то обвинил? Разве я сказал что-то такое, из-за чего нужно защищаться или нападать? – Денисов сокрушенно покачал седой головой. – Ну, купил парень однокласснице конфет – что ж в этом плохого? Я другого понять не могу – барабан-то тут при чем?

Мальчишка молчал и угрюмо сопел, обдумывая ответ. Федор Кузьмич не торопил его, понимая, что в определенном возрасте есть вопросы, сформулировать ответы на которые трудно даже для самого себя. Отпустить бы его сейчас, не мучая, да нельзя жалобу стариков Агафоновых оставлять без внимания. Кабы одно только баловство с Павкиной стороны было – пожурил бы да запретил «громыхать». Но тут у человека – причина, и что с того, что человеку всего тринадцать лет от роду? Он в свои тринадцать чувствует острее, чем иные в тридцать три. Он, может, только того пока и не понимает, что гитара или аккордеон в этом его деле куда выгоднее барабана служили бы: девушкам, кроме леденцов, нравятся песни – душевные, негромкие, протяжные. Попробуй-ка изобрази такую под барабанную дробь! Вот потому-то гармонисты и гитаристы на любой вечерке нарасхват, а такие музыканты, как Павлик, – только на смотрах пионерской дружины...

И тут Галагура огорошил участкового.

– Мне, Федор Кузьмич, иногда всякие глупости в голову лезут, – торопливо, словно боясь передумать, признался он. – Уроки делаю или по дому помогаю... или просто в окошко смотрю – а мысли все крутятся, крутятся... Глупые мысли, ненастоящие.

– Ненастоящие? Энто как же?

– Настоящий пионер о чем должен думать? – Он чуть замешкался и выпалил, как показалось Денисову, заученную строчку из учебника или из газеты: – О деле! Об открытиях, начинаниях и свершениях! Вот Денис Матвеев из второго отряда девизы придумывает – почти каждый день новый девиз. Его даже в газете напечатали! Зритнев Лешка написал письмо полярникам с нашим общим пионерским приветом и теперь собирает подписи со всех ребят, после каникул хочет отправить. Хорошо же придумал? Хорошо же? А у меня такие глупости в голове, что самому о них думать стыдно!

– Та-ак... – протянул Денисов, начиная догадываться, куда клонит мальчишка. – И?..

– И вот тогда я беру барабан и начинаю набивать ритм. Любой, даже самый простой. Ну, знаете – «бей, бара-раз, бара-два, бара-бан-щик», или другой, маршевый. Минуту бью, другую, третью – и все лишнее из мыслей будто выметается, и так ясно все становится в голове, строго, правильно!

Больше всего Денисова поразило то, каким светом сияли Пашины глаза, когда он произносил это «бара-раз, бара-два». Это надо же так любить свой инструмент! Очень часто такая искренняя увлеченность чем-либо проявляется у неиницированных Иных, но участковый слишком хорошо знал всех местных жителей, чтобы лишний раз проверять потенциальные способности Галагуры – мальчишка он, самый обычный мальчишка.

– Так что же... – Пашка свободной рукой сдвинул шапку на затылок. – Теперь совсем барабанить запретите?

– Вот что я тебе скажу, товарищ Павлик Галагура... – раздумчиво проговорил Денисов. – Ритм – великая сила! Человечеству об этом известно ишло с древнейших времен. Чичас кое-кто считает, что барабаны только на парадах нужны, но на самом деле... Ритм – он и одурманить может, и воодушевить, и в пляс повести, и напугать до полусмерти, и на подвиг позвать. И тут крепко надобно понимать, для чего у тебя палочки в кулаках зажаты. Слышал когда-нибудь, как шаманы под бубен камлают? А сколько полков барабанный бой из окопов

на битву поднял – представляешь? Проходили небось по истории? И как же я могу запретить тебе барабанить, ежели в твоих руках, возможно, именно такая силища, которая когда-нибудь, в нужный момент, поднимет целую армию, обратит врага в бегство? Не-ет, друг мой Павка, тебе обязательно нужно продолжать, набивать руку, как правильно говорит Тимофей Петрович, учиться управлять этой Силой. Ты уже взрослый человек, пионер – подойди к Агафоновым, договорись с ними о времени своих репетиций... А то ить и в самом деле нехорошо получается, когда пожилые люди опосля обеда только лягут вздремнуть, а тут «бара-раз, бара-два»! Подойди, не бойся, обещаю, что они к этому вопросу отнесутся с пониманием. Что же касается твоих... хм... незапланированных упражнений – тут сложнее. Пройдет ишшо год-другой – и ты поймешь, что ничего глупого в твоих мыслях нет, но пока мне трудно будет тебе объяснить... Скажи, – прищурился Денисов, – а как ты выходишь из ситуации, когда ненужные мысли одолевают в присутствии посторонних? Ну или, например, когда мамка с папкой в соседней комнате отдыхают?

– Никак не выхожу, – вытерев капельки пота с кончика носа, тихо ответил мальчик. – Терплю. Но не всегда получается. Сегодня вот все дома, не постучишь особо-то, ну, я и не утерпел. – Он с удивлением и даже испугом посмотрел на кулек с конфетами, будто не мог понять, как тот оказался в его руках. – Леденцов ей купил... Ну это же совсем с ума рехнуться! Я же в жизни не смогу ей эти леденцы отдать!

– Ты, я погляжу, совсем взопрел! – забеспокоился участковый. – Домой бегом помчишься, понял? Я ишшо секундочку у тебя займу. Так вот, терпеть – энто плохо, отравление мозгов приключиться может! Ежели ритм тебя выручает в трудную минуту – стучи на здоровьишко, но будь хитрее. Как говорится, не барабаном единым...

Денисов встряхнул кистью правой руки и двумя пальцами тихонечко, практически бесшумно пробарабанил на собственной рукавице замысловатую ритмовку. Улыбнулся и еще раз спросил:

– Понял?

– Понял! – улыбнулся в ответ Пашка. – Спасибо, Федор Кузьмич!

– Бегом марш!

Мальчик деловито надвинул шапку, подтянул шарф на положенное место и только после этого шагнул к выходу. У двери обернулся:

– А вы тоже барабанщиком были?

– Был, Павка, был, – и, расстегивая тулуп, пробубнил уже себе под нос: – Я кем только не был...

– А можно мне вас попросить... ну, как барабанщик барабанщика?

Денисов, угадавший намерения Галагуры, закатил глаза – дескать, вот только почтальоном мне на старости лет служить не хватало! Однако руку за кульком протянул:

– Давай уж, передам в целости и сохранности.

– А вы точно знаете, кому передать? – озабоченно нахмурился Павка.

– Да уж сообразил, не беспокойся. Бегом, я сказал, едрить твою редиску!

* * *

Продавщица, с тревогой коротко поглядывавшая на участкового, никак не могла взять в толк, что случилось с таким доброжелательным всегда Денисовым: набросился на мальчонку, отчитал его громким, но, к сожалению, неразборчивым шепотом, отобрал конфеты, еще и непедagogично ругнулся вслед. Это как же понимать? А может, не в мальчонке дело? Может, это такая демонстрация была – дескать, гляди, Раиса, что тебе сейчас предстоит! Еще, чего доброго, штрафанет за что-нибудь...

И тут пожилой милиционер окончательно напугал продавщицу, потому что медленно, плавно, будто на лыжах скользя, пошел по пустому магазину, раздумчиво оглядывая прилавки и с тихой улыбкой мурлыча под нос.

– Рая, Рая, Раечка, – мурлыкал Денисов на неизвестный мотив, – Раечка ты наша, Раиса...

– Ты что это, Федор Кузьмич, мне песни поешь? – не выдержала она, устав попеременно бледнеть и краснеть от неизвестности.

– А энто я, Раиса, не тебе пою, а себя с мыслями собираю. У меня, понимаешь ли, по причине возраста и прочих забот иная информация в голове надолго не задерживается. – Денисов смущенно потер нос. – Мне Людмила утром наказала мыла купить и даже точное название произнесла, а я, старый дурак, позабыл! Вот и мучаюсь теперь...

– Фу-ты ну-ты! – с облегчением рассмеялась Райка, поняв, что мальчишку участковый грубо выдворил из магазина, чтобы при нем не позориться. – Да ты сразу бы у меня спросил! Людмила твоя всегда «Банное» берет. А то ходишь тут, обэхаэсовским глазом зыркаешь...

– Обэхаэсовским? – хохотнул в ответ Денисов. – Так-таки? Н-да, приложила ты меня, Раиса, приложила! Да ты что ж мне один кусок-то даешь? Ты штук пять сразу заверни. Точно «Банное» всегда берет?

– Да точно, точно!

Продавщица радостно суежилась за промтоварным прилавком: сложила лоснящиеся кремовые куски столбиком, ловко плюхнула столбик набок, на стопку квадратами порезанной оберточной бумаги, шустро замельтешила руками, в один миг соорудив аккуратную плотную упаковку – в самый раз в карман сунуть. Участковый одобрительно крикнул, но расплачиваться не спешил.

– Ты мне ишшо какой-нибудь колбасы, что ли, завесь с полкило...

– Да какая колбаса, Федор Кузьмич! – замахала руками Райка. – Продуктовая машина из района четвертый день не идет, последним доторговываю.

– Что, и сыру нет?

– Сыру? – прищурилась Рая. – Сыр есть. А вы разве сыр едите?

– Ну, раз колбасы нет – должен же я чем-то завтракать?

Странной походкой – то делая резкий шаг, то замедляясь – продавщица добралась до рычащего от усердия холодильника, достала оттуда внушительный полукруг «Пошехонского», настороженно поинтересовалась:

– Целиком возьмешь?

– Да куда мне?! Осьмушку.

До половины лезвия сточенным ножом она с усилием отрезала кусок, взвесила и замерла в нерешительности. Потом, будто опомнившись, засеменила к промтоварному прилавку, вновь запорхали руки, заворачивая сыр. Не глядя на участкового, продавщица отчего-то смущенно пробормотала:

– Рупь восемьдесят шесть с тебя, Федор Кузьмич. Записать или сразу отдашь?

Денисов усмехнулся, покачал головой.

– Отдам-то я сразу, только объясни мне для начала такую загаголину. Сколь тебя помню – всегда-то в магазине порядок: там продукты, тут промтовары, там в белую бумагу заворачиваешь, тут в коричневую. Как же энто так получается, что сегодня ты мне и мыло, и сыр в одинаковой упаковке отдаешь, хотя вижу, что белая бумага для продуктов на том прилавке, где весы, имеется у тебя в достатке?

– Не у тебя у одного склероз, Федор Кузьмич! – через силу улыбнувшись, попыталась отшутиться Раиса, но как-то быстро сникла, помолчала, а затем рубанула ладонью воздух. – Да пропади все пропадом! Все равно с меня не слезешь, верно? Ну, дура-баба я, что ж поде-лаешь? Ведь видела же, что у него, гада такого, глаза смеются, а все равно поверила! – И уже другим тоном, утишив голос до шепота, поведала: – Я, Федор Кузьмич, шибко нечисти боюсь, а

он... Ну так напужал, так напужал! – Протянула руки через прилавок. – Заарестовывай теперь! Надевай наручники!

– Ох, Рая, Рая! – отшатнулся Денисов. – Ежели б тут было куда присесть, я бы от твоих слов так и сел! За что мне тебя арестовывать?

– За порчу государственного имущества! – с отчаянной решительностью заявила продавщица.

– Ишь ты! Энтó, что ли, за то, что ты продуктовую бумагу чесноком натерла? – Он ошарашенно помотал седой головой. – Да ты и впрямь дура-баба!

– Доложил уже кто-то? – глядя исподлобья, пробурчала Райка.

– Кто-то? Да аромат и доложил! Тут же от чесночного духа глаза слезятся! Вот, видишь? Павкин кулек на вытянутой руке держу, иначе никак. Леденцы, между прочим, заменить придется. За твой счет, Раиса, поняла? Но ты мне лучше другое Расскажи – что энтó за шутка такая с чесноком и кто надоумил пошутить?

– Да уж какие шутки?! Напужал меня до полусмерти – говорит, завелись у вас в селе упыри. Пока, говорит, только скот употребляют, потому что свои они, местные, и по такой причине пока жалеют односельчан, но нынче полнолуние – они и на людей охоту начнут. А раз из-за морозов из села выбраться нельзя – они прямо тут и устроят резню. Я говорю – брехня! А он – это ты, дескать, Фроловым и Бочкиным Расскажи, у них прошлой ночью по козе обескровили.

– Да от холода околели! – возмутился Денисов, который уже был в курсе этих трагических новостей.

– Вот и он так сказал, что власти это дело замолчат, чтобы панику, значит, не устроить, и что на самом деле не от мороза околели, а от того, что всю кровушку у них высосали! И про волка обескровленного мне напомнил, которого Красилов из лесу в том месяце приволок! – разволновалась Раиса. – Я ему опять – брехня! А он – ну, мое дело, дескать, предупредить, а дальше вы тут сами. А как сами? А что сами? Церкви в селе нет, сам знаешь. Икон я дома не держу, потому как Иван мой был шибко партийный. Где еще защиты искать? К тебе бежать? К председателю сельсовета? Вы же пальцами возле лба покрутите да посмешищем выставите. Да и от кого спастись? Ведь непонятно же, кто упырь!

– И ты решила чесноком проверить, – покивал задумчиво Денисов. – А меня, значит, проверять побоялась?

– Вот ты, товарищ участковый, сейчас смеешься надо мной, а я тебя, между прочим, шибко уважаю, потому и растерялась, в какую бумагу тебе сыр заворачивать. А теперь даже рада, что так вышло! Ты меня под арест возьмешь, в кладовке своей милицейской запрешь – ну, потому что в район меня отправить не на чем, – а сам меня сторожить будешь. Есть упыри, нет упырей – это уже без разницы. Главное, что я полнолуние под твоим присмотром пересижу.

– С энтим мы позже разберемся, – отмахнулся Денисов, – ты мне чичас другое скажи: кто энтó был-то?

– Кто? – не поняла Райка.

– У которого глаза смеются, который «напужал до полусмерти», который про чеснок надоумил!

– Да как же кто? – удивилась продавщица. – Колька твой!

Екнуло в груди у пожилого милиционера. И ведь догадывался, подозревал, но все равно до последнего надеялся, что Раиса назовет другое имя.

«Н-да, вот такие шуточки у Темных, – размышлял Денисов. – Такие вот у Темных шуточки...»

Как язык против воли тянется к больному зубу, касается его, чтобы тут же отдернуться, или мусолит, раз за разом если и не причиняя боль еще большую, то как минимум не облегчая страданий, – так и Федор Кузьмич при встречах с Николаем Крюковым пытливо и робко

вглядывался в лицо, пытаясь по глазам прочесть: уже знает или еще нет? И по всему выходило, что пока не знает. То есть в курс дела его не ввели. Но, видимо, наличие или отсутствие Силы роли особой не играло – первое и пока единственное посещение Сумрака уже наложило свой отпечаток. То, как ловко Колька манипулировал Раисой ради собственной забавы, было показательно.

– Да ты что ж молчишь-то, Федор Кузьмич? – плаксиво спросила продавщица. – Ты меня сейчас заарестуешь или опосля работы?

– Арестовывать, Раиса, я тебя не стану, – будто проснувшись, встрепенулся Денисов. – Я тебя, наверное, даже штрафовать не буду, потому что стала ты по глупости своей жертвой розыгрыша. Может, ишшо и благодарность тебе вынесу за профилактику простудных заболеваний среди населения – я, когда сюда входил, носом хлюпал, а теперича от чесночного духа дышу свободно. Помолчи! Слушай первое мое распоряжение: ты натертую чесноком бумагу в сторонку убери, пусть она издаля с микробами в помещении управляется. Обслуживать покупателей будешь с чистой бумагой, поняла? Ежели кто из утренних вернется к тебе с претензией – заменишь товар бес-пре-ко-словно! На-ка вот, кстати, леденцы Павкины поменяй. Слушай второе распоряжение: оповестишь всех баб, чтобы были готовы – как только морозы отпустят, соберетесь в клубе, прочту вам лекцию о борьбе с предрассудками. И ежели я только узнаю, что ты среди них слухи об упырях распускаешь!.. Ясно? Теперь так: чтобы тебе окончательно от страху башку не снесло – а то ить ишшо чего придумаешь, окромя чеснока! – довожу до твоего сведения, что полнолуние было две ночи назад. Уразумела?

– Уразумела, Федор Кузьмич! – засуетилась обрадованная Райка, сворачивая новый кулек под монпансье. – Уразумела, родненький! Все исполню, как ты сказал.

– Настоящего виновника я знаю, где искать, – застегиваясь, пробурчал Денисов. – В каком часу он у тебя побывал?

– Да в начале девятого... Ну да, в восемь ровно они с Катериной в сельсовет зашли, а минут через двадцать...

– *Куда* зашли?!

– Да ты что ж зашатался-то, Федор Кузьмич? Вот я дурная баба, кто за язык дергал... Не знал ты, что ли?

Вот и снова – нельзя ведь сказать, что не знал. Мало того что Николай целую неделю отлеживался, приходил в себя в доме участкового, и уже тогда окончательно ясно стало, что поженятся они с Катериной... Мало того что, выздоровев, продолжал каждый вечер приезжать в клуб Светлого Клина и по полночи не мог проститься с любимой в сених – так ведь и разговор у Денисова с Колькой состоялся однажды за ужином, разговор, который с натяжкой можно было назвать отцовским благословением. Единственное, о чем просил Денисов, – повременить со свадьбой. Вот летом – это пожалуйста! Тут тебе и свежие овощи, и жирные осетры, и ягодные морсы на свадебном столе, да и сами столы в хорошую погоду не в избе, а на улице накрыть можно, чтобы любой житель двух сел поприсутствовать смог. И не жался на лавке в передней, а широко гулял, с размахом, чтоб с Подкатной горки слышно было! Конечно, Федор Кузьмич таким образом время пытался выгадать – авось к лету с инициированным Колькой уже все ясно стало бы, а там, глядишь, и дочка свое мнение могла переменить. Но современная молодежь живет совсем в другом ритме – торопятся, спешат, что за столом, что в танцах, что в решениях. Самостоятельность проявляют – молчком заявление в сельсовет подавать пошли. Хорошо еще, что по советским законам сразу не расписывают: пусть месяц – но есть в запасе. И если весь этот месяц Крюков розыгрышами баловаться будет, то ведь уговор и отменить можно.

– Леденцы-то возьми, мальчонке отдай! – окликнула Райка участкового, поняв, что тот, понурившись и уже забыв о ее существовании, собрался уходить.

Денисов забрал кулек, заторможенно попытался засунуть в один карман тулупа, в другой – но там уже лежали упаковки с мылом и сыром, так что конфеты пришлось нести в руках.

Раиса, которой срочно требовалось успокоить нервы, вышла в подсобку магазина, обмотав плечи мохеровой шалью и водрузив на голову мужскую ушанку, открыла форточку. Прикуривая сигарету «Новость», она еще некоторое время наблюдала за тем, как участковый убегает вдаль, на тот конец села, затем покачала головой, умело и с наслаждением затянулась горьким дымом и стала прикидывать, где поблизости растут осины, пригодные для изготовления колеб.

* * *

Если бы кто-то в этот час встретил участкового, он был бы озадачен, а то и напуган. Донельзя сердитый милиционер, не замечая ничего вокруг, целенаправленно двигался в сторону колхозного гаража, причем спешил так, словно намерен был осуществить задержание особо опасного преступника. Впрочем, как знать? Если не пресечь шалости сейчас, если не утихомирить, не приструнить, не призвать к порядку едва родившегося Темного мага, то что же будет, когда он начнет набирать силу?

Однако по причине невыносимого холода навстречу Денисову никто не попался, и уже через двадцать минут, одышливо сопя, он ворвался в гараж, размахивая кульком с леденцами, будто пистолетом. Большой ангар был пуст. Точнее, самая разнообразная техника в нем стояла плотно, едва ли не впритирку, а вот людей не было. Участковый прислушался – в кузовах и под капотами, на верстаках и в ящиках с запчастями едва уловимо поскрипывало, потрескивало, но все это были звуки, производимые окаменевшими от мороза жидкостями и сводимым судорогами металлом. А нужные Денисову звуки – сипение паяльной лампы, шмелиное гудение генератора, перестук инструментов – здесь отсутствовали. «Хорошо же они трактором занимаются!» – окончательно осерчал милиционер.

Где-то по соседству, похоже, в медпункте, раздавались приглушенные голоса. Это было странно, так как молодому фельдшеру Осипову надлежало сейчас находиться в сельском медицинском кабинете, занимавшем вторую половину того же дома, что и кабинет участкового. Смысла дежурить в медпункте при гараже, когда все механики и водители отпущены на каникулы, не было ни малейшего. Разве что...

Сидящий на смотровой банкетке Петр Красилов при появлении Денисова отвел глаза и стыдливо втянул голову в плечи. Фельдшер, кивнув участковому, продолжил заниматься руками тракториста. «Неужели с Николаем подрался? – испугался участковый, глядя на забинтованные ладони. – Неужели кулаки до крови стесал?»

Расстегнув тулуп, Денисов осмотрелся, обнаружил обочь банкетки ворох верхней одежды и кинул туда же шапку, шарф и рукавицы. Поверх всего бережно уложил Павкины конфеты. Мощный калорифер, судя по всему, был включен лишь недавно, но уже заметно согрел небольшое помещение. Выдвинув свободный стул на середину комнатки, участковый верхом уселся на него, положил локти на спинку и, следя за работой фельдшера, задумался. Бинтовал Осипов ладно, аккуратно, но размышлял Денисов не об этом, а о том, что фельдшер – человек в селе новый, всего полгода назад присланный в Светлый Клин по распределению. Стоит ли при нем задавать Красилову вопросы? С другой стороны, медлить не хотелось. Осипов, дважды в день посещавший больного Крюкова, пока тот отлеживался в доме Федора Кузьмича, показался участковому парнем неглупым – такой не станет попусту трепать языком, разнося по селу сплетни. Глубоко вздохнув, Денисов обратился сразу к обоим:

– Ну?

Первым откликнулся врач:

– Обморожение второй степени. Провел согревание, наложил теплоизолирующие повязки, дал сосудорасширяющее. – Он огорченно поджал губы. – Сейчас начнет болеть.

– Потерплю! – огрызнулся Красилов, но тут же стушевался: – Спасибо тебе, Владлен Михалыч!

– Теперь ты, – кивнул ему Денисов.

– А что я? Я с девяти часов с трактором вожусь! Возился... А там насквозь все ледяное! Пальцы-то сразу чувствительность потеряли, я на них и внимание-то перестал обращать: гаечный ключ держат – и ладно. А тут Колька ваш мне говорит: «Ты погляди! У тебя же кожа сейчас пузырями пойдет!» Ну, я и сдрейфил маленько, попросил Кольку позвонить Владлену.

– И вовремя! – вставил Осипов. – Еще бы чуть-чуть...

Денисов покивал собственным мыслям и резюмировал:

– Энто хорошо. Тоись обморожение второй степени – энто, конечно, плохо, но хорошо, что врача вовремя позвал и что травму получил не в драке.

– В какой драке?

– Ну, мало ли... Трактор, стало быть, не завели. – Последняя фраза получилась без вопросительной интонации.

– Почему это? – оскорбился Красилов. – Очень даже завели!

– Ну? Неужели? И где же он?

Гордо вскинувший было голову тракторист вновь сконфуженно сжался, заерзал на банкетке.

– Так это... Крюков на нем уехал.

– Куда?

– Туда. – Как-то нелепо, затылком Красилов указал примерно в ту сторону, где находился холм с передвижным лесопунктом.

– Один? – ахнул милиционер. – Да за рекой дороги вовсе не осталось, все ветром задуло! Туда же, почитай, неделю никто не ездит! А ежели встанет?

– Я ему так и сказал: мол, начнешь один в движке копать – пуще меня подморозишься! Там ведь шесть километров – чисто поле, со всех сторон продувает.

– А он?

– Покидал в тележку охапки соломы, телогрейку ничейную, лыжи свои, сказал «Прорвемся!» и укатил. Что я, держать его, что ли, буду? И захотел бы – не удержал. – Красилов продемонстрировал забинтованные кисти рук.

– Да неужели во всем селе ни одного помощника не нашлось бы?

– И это я ему сказал! Говорю – хоть кого-нибудь с собой возьми, вдвоем все же не так опасно! А он на мои ладони показывает: «Вот тебе сейчас плохо, а им, в тайге, может, еще хуже! Пока я кого-нибудь разыщу, станет совсем поздно». Добавил «Прорвемся!» и укатил.

«Ничего, ничего!» – успокаивал себя Денисов. – Сам же председателю советовал вестового на лыжах отправить, а Колька получше Петьки на лыжах бегают». Да только почему-то казалось участковому, что не оставит Крюков трактор, если тот встанет. До последнего будет пытаться завести.

– Солому, значит, на всякий случай взял, костер запалить?

– Нет, – помотал головой Красилов. – Чтобы лесорубам нашим на обратном пути было чем укрыться в тележке.

Снаружи просигналила машина. Денисов встрепенулся и тут же понял, что никто, кроме него, сигнала не услышал. Глянул сквозь Сумрак, убедился в верности догадки и принялся торопливо одеваться-застегиваться. Когда этот гость пожаловал в прошлый раз, с ним пожаловали и беды. Сейчас это было совершенно некстати, так что лучше разобраться поскорее.

– Ну, – обратился участковый к Красилову, – позвонишь. Расскажешь, как и что. В кабинете буду.

В морозном безмолвии снег под валенками скрипел оглушительно. «Хоть бы завьюжило, что ли! – мечтал Федор Кузьмич, направляясь к наискось приткнувшемуся за гаражом

«газику». – Не сейчас, конечно, а когда люди из лесу вернутся. Когда выужит – и воздух мягче становится, и на душе не так тоскливо от затишья».

По осололевшим глазам черноусого водителя Денисов понял, что руководителю районного Ночного Дозора пришлось воспользоваться специальными полномочиями. Сам Угорь, улыбаясь, махал участковому с заднего сиденья.

– Эк тебя потрепало! – вместо приветствия проговорил милиционер, забираясь в машину и пожимая протянутую руку.

– Это да, – невесело усмехнулся Угорь. – Покой нам только снится.

– В машине посидим или ко мне поедем?

– А это от вас зависит, Федор Кузьмич. Согласитесь проконсультировать – разговор может выйти долгим. Ну а не захотите помогать – обменяемся любезностями да разойдемся.

– Хитришь, Евгений Юрьич! – недовольно пробурчал Денисов. – Когда энто Светлый Светлому в помощи отказывал?

– Вы, может, удивитесь, но и такое бывало, – развел руками маг.

– Ладно уж, поехали. Печки в «газиках» завсегда неважные были, да и незачем бензин зря жечь. Стало быть, в городе транспорт бегают?

– Насилу нашел! – отмахнулся дозорный. – Ни одной машины на ходу! Викентий возит заместителя первого секретаря райкома. Гараж, сами понимаете, теплый, передвижению районного руководства морозы не должны становиться помехой. Пришлось позаимствовать автомобиль вместе с водителем.

– А своими, значит, пока не обзавелся?

Угорь сразу загрустил. Похоже, вступать в Дозор городские Светлые не спешили. Возможно, поэтому дозорный напоминал выжатый лимон – везде и всюду сам, один. Денисов сжался:

– А давай-ка мы не в кабинет, а домой ко мне поедем, а? Время к обеду, Людмила – жена моя – горячим нас накормит. Небось соскучился по домашней еде? Или ты у себя в городе энто дело уже наладил? – Участковый тут же прикусил язык, поняв, что снова ударил по больному.

– Федор Кузьмич, давайте сперва с делами разберемся, а там видно будет. Хорошо?

– Хозяин – барин, – пожал плечами Денисов. – Ну, тогда начинай, что ж время терять...

– Сперва вы мне расскажите, как тут у вас. Этот молодой человек... У той истории были последствия?

Денисов помолчал, пошевелил раздумчиво бровями и, глядя в окошко на холм за рекой, медленно проговорил:

– Последствия такие, что сегодня энто молодой человек с Катериной заявление на регистрацию брака подали. Через полчаса после энтого Николай так запугал продавщицу в магазине, что она принялась своими силами вычислять вурдалаков в родном селе. А ишшо через пару часов он в одиночку отправился на собственноручно починенном тракторе вызволять людей из тайги. – То ли померещилось, то ли действительно по заснеженному склону холма едва заметно ползла черная точка. – Но ты не бери в голову, р-руководитель, энто просто день сегодня такой. Обычно же молодой человек ударно работает в своем колхозе, а в нашем только вечера проводит.

– Весело! – подумав, оценил сказанное Угорь.

– Вот и я говорю, сегодня – сплошные леденцы с чесноком.

– Что?

– Да энто я так, о своем. Ну-ка, останови-ка тут! Я быстро.

Хлопнув дверцей, участковый пробежался по тропинке, ведущей к ближайшей избе, потопал на крыльце, сбивая снег с валенок, исчез в сених, но буквально через минуту появился снова. Кулька в его руках уже не было.

– Порядок! – вернувшись, улыбнулся он. – И сразу вроде как на душе радостнее стало.

- Этот Николай... – продолжил тему дозорный. – С ним уже побеседовали?
– Темные-то? Насколько я понимаю, нет. Ты приходи на свадьбу – и сам убедишься, и я буду рад тебя видеть за столом.
– Я подумаю. Мы ведь уже приехали?

* * *

Угорь нервно прохаживался по кабинету участкового оперуполномоченного, время от времени натываясь на поставленную в центре табуретку. Усатый Викентий умиротворенно дрых за столом Денисова. Сам же хозяин кабинета, присев на корточки, неторопливо помещивал кочергой шкворчащие смолой поленья и внимательно слушал рассказ дозорного.

– Фирсову инициировали в прошлом году, когда ей было уже пятьдесят два. Конечно, я могу представить, каково это – понять, что ты могла сохранить молодость и красоту, если бы узнала о своих возможностях лет на двадцать раньше. Знаете, ее ведь совсем не снимали в последнее время. А раньше, сразу после войны, помните, сколько поклонников у нее было? Такие фильмы, такие роли! Даже я в то время... Впрочем, отвлекся... Она вступила в Дневной Дозор, занялась бумажной работой в областном архиве Темных, но скоро поняла, что заслужить право на магическое омоложение сможет только через пару веков – настолько малы и не востребованы ее способности. А ходить постоянно под «марафетом» или «паранджой» силенок ей не хватало. Она бы и смирилась, наверное, но тут откуда ни возьмись появляется молодой человек, влюбленный в актрису еще с тех пор, как с одноклассниками с уроков на утренние киносеансы сбегал. Причем появление его – поступок осознанный: окончил институт, прошел ординатуру и только после этого принялся разыскивать предмет обожания, чтобы, значит, предстать перед Фирсовой уже состоявшимся мужчиной, а не желторотым юнцом без образования, без профессии, без опыта. Она его поначалу-то всерьез не восприняла, даже, можно сказать, внимания на него не обратила, так как уже привыкла выбирать себе любовников сама, используя вдобавок к природной своей красоте допустимые по квоте чары. И была, следует признать, даже слишком разборчива – директор филармонии, главный конструктор станкостроительного завода, знаменитый ученый-полярник. А тут – всего лишь врач-окулист, без имени и особых перспектив. Но уж больно красиво Сергей ухаживал! Букеты, письма в стихах, билеты на концерты, черешня посреди зимы... Какой женщине это не понравится? А Фирсову еще и то покорило, что не она его соблазняла, применяя штучки из арсенала ведьм, а он ее добивался – как в те времена, когда она была молода и популярна, когда толпы поклонников не давали проходу. Так или иначе, они стали сожительствовать, но Сергею и этого было мало. Он хотел, чтобы все было как у людей. В смысле, по-людски, по-человечески, правильно: загс, штамп в паспорте, общая фамилия – короче, настоящей семьи ему хотелось...

«Ишь ты, как красиво рассказывает! Прямо как в книжке, – подумал Денисов, ожидавший от оперативника сухого, сжатого отчета, а никак не любовной истории, и вдруг сообразил: – Да ведь он его оправдывает! Досадует из-за того, что такой хороший, светлый парень сошелся с Темной ведьмой, – вот и ищет ему оправдание, вот и украшает свой рассказ ненужной романтикой!»

А Угорь и сам не понимал, отчего вдруг так разговорился. Ведь ехал сюда действительно всего лишь проконсультироваться, а принялся выкладывать все подряд... Дозорный даже проверил, не использовал ли добродушный деревенский маг против него какую-нибудь «энкавэд-эшку», «Сократа» или еще что-то из списка заклятий, вызывающих непреодолимое желание выболтать все известное. Проверил – и сам же устыдился. Нет, никакого воздействия, просто, видимо, был участковый таким человеком, с которым хотелось поделиться наболевшим.

– Семья, – продолжал он, не прекращая свое нервное хождение по кабинету, – семья в планы Фирсовой никогда до этого не входила. Поездки, бурные романы на съемочной пло-

щадке, легкая жизнь вне съемок – с чего бы такой женщине обременять себя семейными обязательствами? Откладывала и откладывала на потом. А когда сказка кончилась, оказалось, что и претендентов вокруг не осталось, и детьми обзаводиться поздно. После инициализации появился шанс либо прибиться под крылышко могущественному магу, либо очаровать высокопоставленного человека – и некоторое время существовать безбедно и беззаботно. Но она, ставшая ведьмой не так давно, все еще оставалась слишком человеком, слишком бабой, чтобы забыть разницу между «жить» и «существовать», чтобы перестать мечтать о настоящих чувствах, настоящей семье... Как-то пафосно получилось, да? Ну, суть, думаю, вы уловили. Сергей не мог предложить ей роскошные апартаменты и заграничные шмотки, зато готов был пожертвовать ради нее чем угодно. И когда Фирсова привела свой последний аргумент – что она по возрасту ему не в жены, а в матери годится, – он ответил, что полжизни шел к ней, а вторую половину жизни хотел бы отдать за то, чтобы быть с нею. Ну, мужчины часто такое говорят, особо не задумываясь об истинном смысле. Но ей легко было прочитать, насколько он искренен, насколько готов действительно идти до конца. Собрав в одну кучу его слова, а также факты и заклинания, ставшие известными ей благодаря работе в архиве, Фирсова оформила все это во вполне осуществимый замысел и с готовым планом отправилась на поклон к Аесарону.

Денисов, как раз поднявшийся с корточек, чтобы размять затекшие конечности, с интересом посмотрел на дозорного.

– А что, Аесарон теперь главный в области?

– Берите выше – в трех сопредельных областях, – механически ответил Угорь, но тут же прекратил свой нервный бег и с удивлением поднял глаза на участкового: – Знакомы?

– Встречались, – уклончиво ответил Денисов. – Ты продолжай, продолжай.

Оперативник с сомнением покусал губы, затем хмыкнул, уселся на табуретку и, глядя куда-то в угол, вновь заговорил:

– Не знаю, какими правдами-неправдами... Ну, разве что накопала в архиве что-нибудь на Аесарона...

– Да проще все, проще! – снова перебил его хозяин кабинета, подходя к низенькому окну и выглядывая наружу. – Лет двадцать – двадцать пять назад Аесарон был большим любителем кино. А может, и чичас остается поклонником. У Темных тоже есть свои маленькие слабости. И сентиментальны они бывают – особенно старые маги. Рискну предположить, что он одобрил план бывшей актрисы Фирсовой, так?

– Так, – с запинкой подтвердил Угорь. – Но одобрения было мало – вмешательство такого уровня следует согласовать с Ночным Дозором. Конечно, наша сторона долго упорствовала, даже Инквизицию привлечь хотели. Все-таки это неслыханно, чтобы человека использовали как батарейку!

Денисов закашлялся, чем несказанно смутил Светлого мага.

– Конечно, – поправился он, – мы так или иначе используем людей – и как волонтеров, и на уровне чистой энергии. Но, во-первых, не так интенсивно, во-вторых, вы прекрасно знаете, что Светлый, занявший у обычного человека хоть немного Силы, должен будет возместить все чуть ли не в пятикратном размере. Иначе хоть развоплощайся. Я сейчас не рассматриваю вампиризм и охоту оборотней – вы же сами понимаете, что тут от нас ничего не зависит. Ну, кроме лицензий... В общем, для осуществления замысла требовалось объяснить все Сергею. То есть фактически раскрыться перед человеком. На первый аргумент ответила сама Фирсова: дескать, если обычный мужчина гробит свое здоровье, разгружая ночами вагоны или глотая в шахте угольную пыль, и все ради того, чтобы купить жене хорошую косметику и свозить ее на отдых в Крым, – это нормально, а если он осознанно готов пожертвовать несколькими годами своей жизни, то это уже является чудовищным преступлением? Второй аргумент парировал Аесарон: как раскроемся, так и запретим раскрываться ему. То есть ни с кем, кроме Иных, Сергей говорить на эту тему физически не сможет. Ночной Дозор долго обсуждал вопрос, искал

прецеденты в прошлом, любую возможность наложить категорический запрет, но в результате вынужден был дать добро, выдвинув несколько требований. Для начала – установить предел омоложения, не то, увлекшись, Фирсова могла бы дойти до возраста юной девушки, превратив своего мужа в немощного старика. Далее – если вдруг она, получив от мужа необходимое, решит развестись, ее прежний возраст и соответствующий внешний облик ей вернут в принудительном порядке. К сожалению, обратно омолодить Сергея в этом случае уже не получится. И поскольку вся эта затея осуществима только до той поры, пока жив Сергей, в интересах Фирсовой самой контролировать и интенсивность процесса, и заботиться о состоянии здоровья своего супруга, его жизненных силах – их связь должна быть постоянной, не прерываясь ни на секунду. Ну и наконец, Светлые выторговали право на вмешательство уровня, соответствующего тому, который потребуется Темным для осуществления задуманного.

– Сергей, конечно же, был в восторге, когда ему поведали об этом?

– Разумеется. Его слово было решающим. Если бы хоть кто-то усомнился в его желании, если бы заметили хоть след воздействия на его эмоции и поступки – достигнутая договоренность была бы мгновенно расторгнута, а попытка осуществить все это в обход Ночного Дозора приравнивалась бы к серьезному нарушению Договора. – Угорь потер кончик носа и усмехнулся. – Вот была ли в восторге сама Фирсова – не знаю. Теперь все ее силенки должны были уходить на поддержание связи, тонкой ниточки между ней и мужем. К ней жизненная энергия Сергея поступает по этому каналу, благодаря ему же Фирсова контролирует состояние супруга и общий баланс. Она даже бытовой магией пользоваться теперь не может, не говоря уже о каких-то других, более серьезных Темных делишках. Хоть какая-то выгода Ночному Дозору!

– И ведь пошла же на это! – с уважением произнес Денисов, по-прежнему высматривающий что-то за окном. – Вона чего любовь-то делает!

– Любовь... – задумчиво проговорил дозорный. – Я очень много думал про это. Ну, то, что Темные умеют любить, сомнений не вызывает. Просто очень часто за их любовью стоит какой-то расчет: не столько дать, сколько получить. Эгоизм в чистом виде. Сложись ситуация наоборот, пожертвовала бы Фирсова десятью-пятнадцатью годами своей жизни, чтобы быть с Сергеем? Не думаю. Наоборот, предполагаю, что, не будь этого обстоятельства, она вообще не связала бы свою жизнь с обычным смертным. Зачем? Зато сейчас и выглядит она, как выглядела в конце пятидесятых, и ребенка родить может. Неплохая выгода, да? С другой стороны, она так отчаянно кинулась защищать мужа, прикрывать его собой...

– А вот про это ты мне подробнее расскажи, – обернулся от окна Федор Кузьмич, присел на подоконник. – Я уж и сам докумекал, что у вас случилось, но ведь могу и ошибаться, верно?

– Да неразбериха у нас случилась! – с досадой махнул рукой Евгений Юрьевич. – В области никак не предполагали, что они в нашем районе окажутся, поэтому и не оповестили меня. Окулист этот – он, кстати, сейчас лет на сорок выглядит вместо двадцати пяти, так что документы у него теперь на другое имя, а вот профессия прежняя, – так вот, он в сопровождении жены летал на научную конференцию в Академгородок под Новосибирском. Обратного тоже самолетом должны были, но на конференции Сергей встретил знакомого, который предложил вернуться вместе, на его машине. По дороге решили заночевать в нашем городке, остановились в гостинице. Сами знаете, достопримечательностей у нас никаких нет, поэтому супруги решили просто прогуляться по улочкам – Фирсова же в глубинке родилась и выросла, вот и захотелось ей провинциальный антураж вспомнить. А тут я... Да все одно к одному! Она бы лучше не шипела, а печать предъявила, когда я потребовал выйти из Сумрака! Говорит, испугалась, не сориентировалась. Утверждает, кстати, что не за себя, а за мужа испугалась – из реального-то мира она его состояние контролировать не может. Ну а когда я уже «фризом» ее шарахнул – явились эти...

– Дневной Дозор?

– Ну да. Правы вы были, Федор Кузьмич, когда предупреждали, что и они в районе отделение создадут, в противовес нашему. Я с ними буквально за три дня до этого официально познакомился, и вот на тебе, вляпался... Скрутили они меня живенько – трое-то на одного! Предъявили обвинение в нападении на законопослушную Темную. Да будь дело в одной только ведьме – шут бы с ним! Но я же, получается, подверг опасности жизнь обычного человека, который с ведьмой в непосредственной связи был в момент моей атаки. В общем, схлопотал я по полной программе.

– Суд был?

– Ну, суд – не суд, но разбирательство было серьезное.

– Ты оттуда столько подробностей из их жизни знаешь?

– Ну да. Я же, как только обвинение выдвинули, сразу заподозрил провокацию. – Угорь снова заволновался, вскочил с табуретки, замахал руками. – С чего бы такой оригинальной семейной паре вдруг останавливаться в нашем городе? Да не просто переночевать в гостинице, а оказаться именно в том магазине, именно в том отделе, где я каждый день бываю, и именно в то время, когда я обычно кушаю свой вечерний пирожок! Ведь прямо напротив меня в очереди стояли, да еще и друг за другом, словно посторонние! И так далее – почему ведьма не почувствовала Иного, хотя была в Сумраке, почему так нарочито проигнорировала мои требования, почему Дневной Дозор оказался тут как тут, будто в засаде сидел?

– Действительно, похоже на подставу, – согласился Денисов.

– Вот поэтому наша сторона и потребовала снятия информационной кальки с их сознаний – для анализа.

– И позволили?

– Если бы наотрез отказались – никакого разбирательства бы не было. Но они согласились, – уныло констатировал оперативник. – Поломались, конечно, для порядка. Протесты, все такое... Но уж больно требования их были серьезны в отношении меня.

– Требовали снять с руководства?

– Снять – это само собой. Развоплотить мечтали.

– Да ладно?!

– А вы как думали, Федор Кузьмич? Несу угрозу и людям, и Иным. Превышаю полномочия, готов уничтожать невинных граждан без суда и следствия – файербол-то у меня действительно был уже заряжен. Просто маньяк какой-то, а не дозорный! Калька меня несколько реабилитировала: во-первых, они – с их-то особым случаем! – просто обязаны были зарегистрироваться у меня во избежание как раз таких инцидентов, но даже не подумали этого сделать. Во-вторых, память ведьмы прекрасно зафиксировала то, что я дважды потребовал покинуть Сумрак, прежде чем нанес удар. Все по инструкции, и уже не сошлешься на то, что не слышала, не разобрала, не успела. Кстати, у Фирсовой-то претензий ко мне и не было, это Дневной Дозор настаивал.

Денисов помолчал, обдумывая услышанное. Угорь, поняв, что сейчас лучше не мешать участковому, отошел проверить на всякий случай спящего Викентия: тот, как любой порядочный личный шофер, умело использовал для сна каждую свободную минуту, его даже не пришлось «уговаривать» специальными средствами.

– Чего же они добились? – наконец прервал молчание Денисов.

– Да, по сути, ничего! – раздраженно ответил Угорь. – Поскольку никакого ущерба здоровью этой парочки я не нанес – «фриз» зацепил обоих, так что их связь не прервалась, канал оказался внутри локального временного кокона, – и поскольку действовал строго по инструкции, обвинения были сняты. Выговор мне, конечно, вписали, но, скорее, для профилактики, да чтобы Темные уже отвязались. Так что потрепали нам нервы, отвлекли на несколько дней от работы – ну и все. Вот чего они добивались, чего на самом деле хотели – это другой вопрос. Ну, ведь глупо было с их стороны надеяться, что все претензии областной Ночной Дозор при-

мет на веру, что снимет меня по одному только необоснованному требованию! Подорвать мой авторитет в глазах руководства и всех районных Светлых? Дискредитировать Дозор? Заставить меня в будущем перестраховываться, сомневаться в правильности оперативных действий?

– Все может быть, – раздумчиво пропел Денисов, – все может быть...

Он вернулся к голландке, подбросил пару поленьев, крутанулся на месте и пристально посмотрел на оперативника.

– А что, Евгений Юрьич, удалось им тебя напугать? Не начал ты сомневаться и перестраховываться?

– Да как вам сказать, Федор Кузьмич... – Маг вновь смущенно потер кончик носа. – Напугать – это вряд ли, но действовать стараюсь с оглядкой. Тут ведь вдогонку еще история приключилась. Из той же серии или из другой – определить пока сложно. Недели с того случая не прошло – приезжает в город потомственный кетский шаман.

– Темный?

– Да, Темный. Из этих, кстати, мест, хоть и кет.

– Похоже, я знаю, о ком ты говоришь.

– Ну, тем лучше, – кивнул Угорь. – Я на него совершенно случайно наткнулся, когда он с автовокзала на аэродром спешил. Уж что за дела у него такие в области наметились, я понятия не имею, но вот понадобилось ему туда съездить. А на руках у него – сильный артефакт – «Всадник в красном». На самом деле – обычный солдатик, детская оловянная игрушка с облупившейся эмалью, попавшая в их племя еще до революции. Но вы же знаете, как остяки² относятся к изображениям и статуэткам всадников? Дед этого шамана стал игрушку вытаскивать во время камланий, излишки Силы на нее сливал. Потом отец, потом и сам он проделывали то же самое. Понимаете, да? Заряжена вещица под завязку. Выпускать его с такой бомбой я права не имел. Спрашиваю: зачем тебе «Всадник» в области? Да не нужен, говорит, просто дома оставлять опасно. Мол, преемник подрастает, осваивает ремесло, но опыта пока никакого, так что может натворить бед, если решит с артефактом поэкспериментировать.

– Сознательный подход! – одобрил участковый.

– По отношению к ученику – да. Но вы же понимаете, что носить такой артефакт в кармане – это все равно как поехать в гости на «Катюше»!

«Добыл!» – развеселился вдруг Денисов. – Ведь это он специально такой пример привел, чтобы мне, старику, понятнее было!»

– Я ему говорю: «В городе есть отделение Дневного Дозора, обратись к ним, оставь на хранение!», а он отвечает, что у него рейс меньше чем через час, а где отделение расположено – он понятия не имеет. Пока найдет, пока объяснит, пока оформит...

– И ты, разумеется, вызвался помочь, – предположил участковый.

– Ну, если можно назвать помощью конфискацию... Изъял артефакт на время поездки, написал расписку, подвесил экземпляр в Сумраке – чтобы претензий со стороны Темных не было. Саму вещицу доставил в свой кабинет – он у меня на окраине, в здании администрации бумфабрики.

– Там же людей полно! Не мешают... деятельности?

– У меня отдельный вход с торца здания. Рабочие через проходную ходят, служащие – через центральный подъезд. Моя дверца видна только в Сумраке, так что случайных посетителей у меня быть не может. Ну, то есть я был в этом уверен. В общем, положил «Всадника» в сейф – вот в такой же, как у вас. Запечатал «кольцом Шааба».

– Чем-чем?!

– «Кольцом Шааба»... – растерялся Угорь.

– Какое-то импортное заклинание?

² Остяки – обобщенное название народов, проживающих в Сибири (хантов, кетов, югов, селькупов и т. д.).

– Ой, да как будто вам на фронте не приходилось из трофейного оружия стрелять, Федор Кузьмич! Ну, да, заклинание из арсенала Темных, но штука-то надежная!

– Надежная? Хм... Ладно, запомню. И что дальше?

– Ну, что... Собрался уходить – и буквально на пороге столкнулся с нашей старой знакомой. Анну Мельникову помните?

– Девочка-вампириша? Ну как же!

– Пришла регистрироваться.

– Опять оперативное задание?

– Да нет, – Угорь покусал губу, – сказала, что по личному делу. С подружкой повидаться, погостить пару дней. Не поверил я ей, – поморщился он с досадой, – а может, и надо было поверить. Поставил регистрационную метку, дал отойти метров на сто, а сам – за ней. Мельникова и сама не скрывалась, и меня вроде не заметила. Битый час шаталась по городу – к кинотеатру сходила узнать, какой фильм вечером, потом в один магазин, в другой, накупила продуктов и вина. Наконец добралась до дома своей знакомой. Я еще с полчаса под окнами погулял, но, судя по всему, застолье там намечалось продолжительное... Федор Кузьмич, вы меня слышите? Вы где сейчас вообще?

Денисов действительно имел такой вид, словно был погружен в себя или в Сумрак – то ли прислушивался к чему-то, то ли каким-то иным способом получал информацию из пространства. Вопрос дозорного заставил его встрепенуться.

– Извини, Евгений Юрьич, почудилось. Ежели с трактором все в порядке, ежели Крюков добрался до лесопункта, то, по всем раскладам, должен бы уже назад... Ладно, ишшо подождем... – И тут же вернулся в разговор: – Подруга – тоже вампириша?

– Нет, обычный человек. Я так понял, они вместе в школе учились, а несколько лет назад подружка замуж вышла за местного, переехала сюда. Время от времени навещают друг друга.

– Обычная девушка и низшая Темная? – Денисов скептически поджал губы. – Нетипично как-то. Ну, разве что дружба их длилась годами, а укусили нашу Анюту совсем недавно. Узнавал?

– Нет, не интересовался. Но пришел к такому же выводу: Мельникова по инерции продолжает поддерживать отношения, хотя общих интересов у них уже быть не может. Или – как вариант – время от времени Анна использует свою старую знакомую для... для разных целей.

– Например?

– Например, просит ее появиться там, где к Иным особо пристальное внимание, где присутствие вампира вызовет нежелательную реакцию. Или использует в качестве прикрытия, отвлекающего маневра.

– Энто как так?

Угорь замялся, провел ладонью по шершавой стене, безразлично посмотрел на испачканные побелкой пальцы.

– Ваши слова о том, что Темные сильны по части интриг и обязательно нанесут ответный удар – помните? – так вот те слова и события последних недель сделали меня отчасти параноиком. Если на минуту предположить, что Мельникова меня просчитала, если она с самого начала была убеждена, что я не поверю ей и пойду следом... Ведь нужна ей в этом случае достоверная причина, не относящаяся к работе, но объясняющая ее приезд? А бывшая одноклассница – куда уж достовернее. Алиби стопроцентное, не придерешься.

– А ей понадобилось алиби? – удивленно шевельнул бровями Денисов.

– Ну, скажем так: доказательство непричастности. Федор Кузьмич, вы помните здание администрации бумфабрики? Постройка, если не ошибаюсь, двадцатых годов, большинство стен – глинолитка³. Я оставил охранные заклинания на окнах и двери, при попытке вторжения

³ Глинолит – строительный материал, получаемый путем заливки соломы в опалубку раствором глины.

сработала бы выведенная на меня сигнализация, я бы в любой точке города и окрестностей «услышал», если бы кто-то попробовал нейтрализовать защиту на входе или разбить стекло – оно бы, кстати, не разбилось. Шкаф с документацией и сейф вообще упакованы «кольцами Шааба», их замки не взломать даже магу первого ранга – мое руководство расщедрилось на амулеты с соответствующим уровнем... Когда я, проследив за Мельниковой, вернулся, сейфа в кабинете уже не было. Кто-то примитивно, кувалдой проломил ветхую глинолитку и выволок его в дыру.

– Ишь ты! – покрутил головой восхищенный дерзостью похитителей Денисов.

– Понимаете, да? – с нажимом сказал Угорь. – Все охранные заклęcia на месте, окна и дверь нетронуты, но я даже предположить не мог, что кто-то решится пробить стену! И «кольцо Шааба», я думаю, до сих пор взведено, поскольку вскрыть сейф не пытались – его просто увезли. То есть, похоже, кому-то было важно не столько содержимое, сколько сам факт кражи из-под носа руководителя Ночного Дозора. И, кстати, содержимого там – кот заплакал: амулеты я держу либо при себе, либо дома, либо в ящике рабочего стола, так что внутри валялась какая-то мелочовка и конфискованный «Всадник», который один стоит практически всего моего арсенала. Наводит на мысли, да? Дальше еще интереснее! Вы не поверите, но я не обнаружил никаких следов Иного! Как ни маскируй свое присутствие, как ни заматай следы, как ни подчищай за собой, а все равно останется хоть ниточка, хоть пятнышко, хоть какой-то отголосок возмущения Сумрака, если в него входили, если пользовались Силой. И у Дозора есть средства, чтобы разыскать эти крохи. А тут – вообще ничего!

– Вообще? – с иронией переспросил участковый оперуполномоченный.

– Ну, я имею в виду – по моей части, – стушевался Угорь. – Получается, что действовал либо обычный человек, либо Иной, который намеренно не использовал свои способности, чтобы не быть обнаруженным. Но обычный человек не увидел бы отдельного входа, через окно сейф не разглядеть, он под столом стоит, а интерьер кабинета вряд ли кого-нибудь заинтересовал бы, нет там ничего такого, ради чего стоило бы рисковать и буквально при свете дня проламывать стену. Стандартная чиновничья контора, каких в городе десятки: тут и профсоюз мог бы размещаться, и отдел кадров, и кабинет технолога. Если кувалдой и орудовал человек, то явно с подачи Иного, потому что знал, за чем лезет. Снаружи натоптано, отпечаток шин на снегу имеется, среди обломков стены – обрывок веревки или, скорее, каната, при помощи которого выволакивали сейф...

– Да, тут, скорее, уже по моей части, – задумчиво покивал Денисов. – Так тебе в этом помощь моя требуется?

– Нет, ну что вы! Я местную, городскую милицию вызвал. Все тщательно осмотрели, записали, сфотографировали. Ищут, – маг пожал плечами, – успокаивают, что, мол, сейф – не шкатулка, спрятать трудно, где-нибудь да обнаружится. Пришлось, правда, немножко прости-мулировать их заклинанием усердия – на всякий случай.

Выговорившись, Угорь заметно успокоился – перестал нервно вышагивать по кабинету участкового, придвинул табурет поближе к голландке, сел, прислонившись спиной к ее горячему боку, с блаженством вытянул ноги. Денисов же, наоборот, чем дальше – тем явственнее проявлял беспокойство, поминутно выглядывал в окно, морщился, тер лоб, мучительно прислушивался. Тихо и безлюдно было в центре села. И телефон не звонил.

– Ты руководству-то доложил? – чтобы хоть как-то заполнить паузу, спросил милиционер.

– Разумеется, сразу же. Там тоже свое расследование начали. Ждут, не сработает ли где «кольцо Шааба», не всплывет ли «Всадник в красном». Думаю, и Мельникову как-нибудь допросят, и кетского шамана.

– А он не вернулся еще?

– Пока нет. Вот вернется, да как предъявит мою расписку, как потребует реликвию – это ж Дневной Дозор опять меня начнет изводить претензиями! Шутка ли – такой мощной вещицы их лишил! Поэтому лучше бы разобраться побыстрее – либо сейф с артефактом найти, либо связь Мельниковой с похитителями.

– А ты все-таки думаешь, что она с этим связана... – Денисов пятерней провел по седым волосам. – Ну, возможно, возможно. А с другой стороны – зачем такие сложности? Ты же не безвылазно в кабинете сидишь? Ты уходишь домой, ты патрулируешь улицы, сейчас вот вообще в городе отсутствуешь – почему бы им не выждать? Зачем обязательно выманивать тебя?

– Ну как же? – немного растерянно отозвался Угорь, завозился, подобрал ноги. – Во-первых, кража состоялась буквально в течение часа после того, как я убрал в сейф «Всадника», – это можно будет рассматривать как пример того, что Ночному Дозору даже на час нельзя доверить ничего ценного. Во-вторых, за Мельниковой я пошел без особых оснований – это можно расценить как предвзятое отношение к законопослушной Темной, дискриминацию и преследование... Ой, да мало ли! С них станется, они любую мелочь против меня используют! Уж если взялись извести – так не отстанут.

– Паранойя, говоришь? – криво улыбнулся Денисов, думая о чем-то своем.

– Ага! – удовлетворенно кивнул дозорный. – И вы, Федор Кузьмич, изрядно в этом поспособствовали. Мне теперь везде заговоры мерещатся.

– Хочешь, чтобы я виноватым себя почувствовал? – удивленно изогнул брови участковый.

– Да нет, Федор Кузьмич. – Голос Светлого мага стал неожиданно твердым. – Это вы почему-то считаете, что я за собой вину ощущаю – за Николая вашего. Оттого так демонстративно за него и переживаете, чтобы я понял, что вы к нему как к родному относитесь, будто бы ничего с ним и не случилось. Оттого и зовете на свадьбу, чтобы я убедился, что ничего катастрофического не натворил, ненароком подписав парню приговор. Знаете, Федор Кузьмич, иногда я жалею, что совершенно не соответствую своей фамилии. Угорь – создание скользкое, изворотливое, а я прямолинеен и бесхитростен. Зато и у моей прямооты есть свои преимущества. Так вот, поверьте: никаких угрызений совести у меня насчет Николая нет, я по-прежнему считаю, что мои действия были оправданны. План не сработал – жаль, но корить себя, беспокоиться о будущем вашего зятя я и не собирался. Беспокоиться, кстати, и вам советую перестать – через четыре минуты трактор будет здесь, в селе.

Участковый вздернул подбородок, закаменел лицом.

– Не стбит, Федор Кузьмич, не стбит! – неопределенно шевельнул кистью левой руки дозорный, отменяя возражения. – Ваша жалость ко мне легко читается. Но я не малый ребенок, мне жалость не требуется, а ваши попытки примирить меня с моими мнимыми ошибками и просчетами вряд ли принесут пользу. Вот за что я действительно был бы вам благодарен – так это за консультацию. – Угорь полез в карман брюк. – Через три с половиной минуты вернется ваш будущий зять, и вам станет не до моих проблем, поэтому я постараюсь побыстрее. Вот! – Он продемонстрировал на раскрытой ладони вещицу, выглядящую как обычное украшение, – крупный камень красного цвета на длинном и тонком кожаном шнурке. – Один Светлый приобрел в городе на барахолке. Продавец понятия не имел, что это заряженный амулет, и откуда он у него взялся – вспомнить не смог. Светлый оказался сознательным – принес эту штуку в Дозор. Можете определить, что это такое?

Участковый, оторопевший от неожиданной отповеди и все еще переживающий из-за столь неприятного кульбита их беседы, взял амулет, скорее, по инерции. Ему бы возмутиться произнесенным словам, поставить на место наглеца, к которому отнесся со всей душой и пониманием, но... В упреках дозорного была доля правды, и доля изрядная. Но ведь не зря сам Угорь первым делом захотел узнать, чем та история закончилась? Значит, она его волнует. Значит,

он придает ей большее значение, нежели пытался сейчас показать. В конце концов, он же сам допускает, что лицензия, выданная на потенциального Иного Крюкова, стала причиной вереницы неприятностей, свалившихся на районный Дозор! И что же выходит? Хотел Федор Кузьмич сделать как лучше, сгладить углы, познакомить несостоявшегося палача с живой, здоровой и благополучной жертвой, а получилось черт-те что?

Впрочем, уже в следующий момент Денисов забыл о неловком эпизоде, поскольку глянул на амулет сквозь Сумрак. Не поверил, глянул внимательнее, а потом непонимающе уставился на дозорного.

– Согласитесь, в этом есть какая-то ирония, насмешка, – серьезным тоном произнес Угорь. – Вместо пропавшего могучего артефакта Темных мне подсовывают вот эту фитюльку. Баш на баш, так сказать. Но я теперь уже не могу не придавать значения совпадениям и мелочам. Так что скажете?

– Темный амулет, очень слабенький...

– Для чего он?

– Так сразу-то и не сообразить, – пожал плечами Денисов. – Да и стоит ли соображать? В моем фотоаппарате магии больше, чем в этой штуковине.

– А вот не скажите! – усмехнулся Угорь. – Во-первых, амулету, по самым скромным подсчетам, лет пятьдесят. Во-вторых, его заряда хватит еще на столько же. Да-да, я несколько раз перепроверил! Кому и для чего мог понадобиться кулон, силы которого не хватит один раз мух из комнаты выгнать, но при этом не разряжающийся целую сотню лет? Время от времени – или, вернее, в зависимости от местонахождения – камень начинает светиться, то есть рискну предположить, что это индикатор, датчик. Но что он фиксирует? Иных? Тогда бы у меня в руках постоянно светил. Только потенциальных? Или только оборотней? Или, может, наличие проклятий? Магических предметов? Девственниц? Новорожденных? Вариантов может быть тысяча. В городе я обнаружил пару мест, где он едва-едва мерцает, и одно место, где горит довольно ярко. И, кстати, километрах в пяти отсюда, посреди дороги через кедровую рощу, он вдруг вспыхнул разочек. У вас там ведьма, случайно, не живет? Или шаман какой-нибудь?

– Нет, не знаю, что это такое, – еще раз осмотрев кулон со всех сторон, задумчиво проговорил Денисов. – Что тебе твое руководство посоветовало?

– Ну, после случая с сейфом я, честно говоря, побаиваюсь к руководству обращаться, – с невеселой улыбкой развел руками Светлый маг. – Было бы что-то сильное и потенциально опасное – попросили бы прислать на экспертизу. А эту вещичку, вероятнее всего, порекомендуют разрядить безо всякого сожаления.

– И я бы то же посоветовал, – согласно кивнул участковый. – Тебе есть чем заняться, а эта ерунда только отвлекает. Может, Темные для этой цели тебе ее и подсунули – чтобы ты отвлекся от чего-то более важного.

– Как и Анну Мельникову? Неужели у них фантазии не хватает, если они дважды один и тот же прием используют?

– В первый-то раз прием сработал, верно? – напомнил Денисов. – Зачем изобретать велосипед, когда и самокат годится?

– Ну, собственно, именно поэтому я к вам и обратился, – признался Угорь. – Хотелось бы, чтобы вы помогли мне узнать, что это такое на самом деле, для чего служит, кем кулон был заряжен полсотни лет назад и так далее. Наверняка ведь на вашем участке есть... те, кто может быть в курсе? Если это отвлекающий маневр, то вы меня очень выручите, взяв на себя эти расспросы. Ну а вдруг окажется чем-то интересным, полезным? Все, Федор Кузьмич, – заторопился он, – я бужу Викентия, и мы исчезаем. Пожалуйста, оставьте амулет у себя, заеду к вам... скажем, через неделю-другую. Хорошо?

– Ежели через неделю – это аккurate к новогоднему столу. Буду очень рад!

– Опять вы за свое! – нахмурил брови Евгений Юрьевич, но тут же рассмеялся. – Ладно... Заранее спасибо, Федор Кузьмич! Счастливо вам оставаться!

Каким образом Угорь будил райкомовского водителя, как им удалось так тихонечко одеться и ретироваться, Денисов не заметил, поскольку сразу же после слов дозорного жадно прилип к окну. По единственной улице Светлого Клина полз Красиловский «ДТ-75», за рычагами которого сидел тракторист из другого села. Полз трактор медленно, будто торжественно, ревом мотора и лязгающими гусеницами в клочья распарывая белое студеное безмолвие. К медицинскому кабинету не свернул, и Федор Кузьмич облегченно выдохнул. Время от времени копенка сена в скрипучей тележке начинала пошевеливаться, из-под нее выбирался кто-нибудь из бригады Бухарова, дожидаясь, пока трактор поравняется с родным домом, спрыгивал на ходу и припускал к крыльцу. Кто-то был серьезен, кто-то радостно улыбался, и все на бегу махали руками – односельчанам, прилипшим к окнам так же, как участковый, продавщице Райке, разумеется, курящей возле магазина, вернувшемуся в контору председателю Семену Семеновичу, но более всего – Кольке Крюкову, герою сегодняшнего дня. Парню, который рисковал собою ради них. Темному Иному, спасшему горстку обычных людей, замерзавших в тайге.

Глава 3

Домишко у Матрены Воропаевой был аккуратный, даром что крайний: крыша ладная, ставенки подновлены и покрашены в один тон с наличниками, крылечко крепкое, тропинка через палисадник не только лопатой почищена, но и метлой выметена, вплоть до серой от стылости земли. Ежели идти от центра Светлого Клина к околице да посмотреть на избушку из низинки – совсем красота получается: она, избушка эта, на фоне вековых заснеженных сосен, с ровненьким забором и вьющимся над трубою дымком кажется невсамделишной картинкой. Ну вот открытка и открытка, хоть сейчас по почте посылай!

Примерно так думал участковый Денисов, а сам все маялся, все топтался на месте, потому как заходить в домишко ему не хотелось совершенно. Уж он и налево посмотрел, вдоль села, и направо, за околицу, и даже вверх, на прозрачные облачка глянул, но не было в селе и окрестностях хоть каких-нибудь нарушений, требующих его немедленного вмешательства. Значит, отложить визит не получится. Да и в самом-то деле – сколько можно оттягивать? Хоть и не обещал он ничего такого дозорному, а все же неудобно, ждет человек...

Двери в селе отродясь никто не запирали, стучаться и ждать на крыльце тоже было не принято. Заходишь в сени – подаешь голос: хозяева, дескать, где вы тут? Встречайте гостей! Однако горланить лейтенанту милиции было не к лицу, поэтому он все же стукнул пару раз в дверь, ведущую из сеней в переднюю. И, не дожидаясь ответа, потянул на себя ручку.

По причине ранних сумерек в комнате горел свет, и все в этой комнате было ярким, светлым, радостным – кружевные салфетки на подушках, веселые занавески на окнах и печке, сверкающие медовым лаком ходики, ковер с оленями на стене, пестрые домотканые «дорожки» на полу. Никаких тебе пучков трав по углам, никаких склянок с зельями на полках, никакой паутины, крыльев нетопырей и кожи болотных жаб. Хотя казалось бы...

– Темная вещичка у тебя при себе, Светлый, – откуда-то из-за печки сообщила Денисову Матрена. – На кой ляд?

– И тебе не хворать, хозяйюшка! – усмехнулся участковый, комично поклонившись пустой комнате. – Не шибко занята? Можно войти-то?

Матрена вышла из-за печки, старательно вытирая о передник перепачканные мукой ладони. Росту она была маленького, одета по-домашнему, но опрятно. Крупные натруженные руки, улыбчивое лицо с тысячей мелких морщинок. Добрая деревенская бабушка.

– Отчего же не войти, касатик? – внимательно глядя в глаза участковому, наконец отозвалась Матрена. – Чем я могу быть занята? Мое дело пенсионерское. Вот, пироги затеяла. Лицо-то не в муке у меня, что ль?

– Все у тебя с лицом в порядке, хозяйка. И в доме – ты погляди какой порядок! И убрано, и чисто, и панно с оленями – ну, просто образцово-показательное панно!

– Ты мне голову не морочь и зубы не заговаривай! – отрезала старушка, поправляя тугой пучок седых волос на затылке. – Сколько лет мы с тобой без реверансов обходились – может, и сейчас без них сдюжим?

– Вот про «сдюжим» и «касатик» – ничего плохого сказать не могу, их ты очень... – Денисов поискал слово, – гармонично употребила. А про «реверансы»... Ты, гляди, в селе-то про них не ляпни! У нас народ простой, у нас такие слова только молодежь знает из книжек. Катька моя, к примеру, или Колька Крюков.

– Слыхала новости, слыхала, – покивала Воропаева. – Поздравлять?

– Да ну тебя! – отмахнулся участковый. – Что ишшо слыхала? Или, может, видала?

– Надись по радио сказывали, советские хоккеисты опять приз «Известий»⁴ получили. А американцы шестой раз на Луне высадились⁵ – правда, что ль?

– Теперь, я погляжу, ты мне голову морочить взялась! – с недовольством в голосе пробурчал Денисов.

– Да ты спроси – я отвечу. Самой-то мне как угадать, про что ты знать хочешь?!

Денисов вздохнул и, демонстрируя безграничное терпение, без спросу сел на старенький скрипучий стул. Положил шапку на колени, расстегнул верхние пуговицы тулупа, поерзал – устроился удобно и надолго.

– Хочу я знать про все на свете, – доверчиво тараща глаза, признался он. – Только всего на свете ты и сама не знаешь, и потому придется мне довольствоваться малым.

Матрена, с веселым удивлением наблюдавшая за участковым, всплеснула руками – дескать, посмотрите-ка на него! – обошла стол и уселась напротив. Покопавшись в кармане, Денисов выудил амулет на кожаном шнурке, подержал на весу, полюбовался на то, как, крутясь и покачиваясь, сверкает в свете электрической лампочки большой красный камень, затем положил его на середину стола.

– Экая безделушка чудная! – с любопытством глядя на амулет, прокомментировала старушка.

– Так-таки? – вздернул брови Федор Кузьмич. – Я ишшо войти сюда не успел, а ты эту вещичку уже почуяла! И теперича сказываешь мне, что безделушка?

– А как иначе сказать? – Матрена с искренним изумлением пожала плечами. – Амулет не стоит твоих вопросов, выкинь и забудь!

– Я выкину, а ты подберешь?

– Да на кой мне?! Экий ты... недоверчивый, касатик. Ну, не хочешь выкинуть – в музей снеси. Там больше проку будет.

– Ты вот про прок мне поподробнее, пожалуйста! Очень хочется в суть вникнуть, прежде чем в музей сдавать! Опять же, не для себя стараюсь, меня хороший человек попросил узнать. Он, человек энтот, вообще очень многим интересовался, а я, ты понимаешь, покривил душой, наврал ему, что в наших краях сильных Иных совсем нету...

– Не посмеешь! – вдруг выпрямилась, вытянулась в струнку маленькая Матрена. – Ты обещал забыть!..

– И забыл, – согласился с нею Денисов, – на много лет забыл и не вспоминал до прошлой недели, а тут все одно к одному. – Он вдруг озабоченно пожевал губами, цыкнул зубом. – Слыхала, кто теперь в области главный у ваших?

– Кто? – беззвучно выдохнула Воропаева, испуганно сверкая глазами.

– Да он, он, ты уж, верно, и сама угадала. – Участковый помолчал, потом презрительно фыркнул. – Распорядился в районе отделение создать, чтоб, значит, в противовес Ночному Дозору! Так что ты тут аккуратнее – как начнут по деревням ездить, перепись вести, на учет ставить... Ты пойми, старая, мне самому выгоды никакой, чтоб тебя тут обнаружили! Они сколько лет эту вашу... предводительницу Конклава найти не могут, а тут вдруг у меня под носом, в родном, можно сказать, селе, ее правая рука живет, не тужит! Я хоть и не в Дозоре, а по головке меня не погладят, ежели про тебя выяснится. А уж кто выяснит – наши или ваши, – разницы никакой. А посему я предлагаю жизнь привычную продолжить без сурьезных изменений – ты никаких козней не строишь, ничем таким не промышляешь, а я тебя будто бы и

⁴ Международный хоккейный турнир на приз газеты «Известия» впервые состоялся в 1967 г. в СССР и носил название «Московский международный турнир на приз Федерации хоккея СССР». С 1969 г. турнир взяла под патронаж редакция газеты «Известия», и он получил постоянную эмблему – снеговика с клюшкой. В состязаниях участвовали национальные сборные ведущих хоккейных держав. В настоящее время носит название «Кубок Первого канала».

⁵ Корабль «Аполлон-17» был запущен 7 декабря 1972 года и вернулся на Землю 19 декабря. На сегодняшний день эта миссия остается последним пилотируемым полетом к Луне и последней высадкой людей на ее поверхность.

не замечаю. Такой ведь уговор был? Только сейчас поперек нашего уговора вот энта безделушка вклинилась. Вижу, что знаешь ты о ней и, выходит, молчанием своим препятствуешь следствию. Вдруг энта бомба такая? Вдруг ты намеренно от меня скрывать удумала? Стало быть – как есть козни твои вражеские!

– Какие козни, дурной? Какая бомба, какое следствие? – запричитала Матрена. – Сам не видишь, что ль? Такой бомбой разве что клопа взорвать!

– А я вижу и не вижу! – отрезал Денисов и поднялся с места. Шумно втянул носом воздух – пахло дрожжами, печным дымком и яблочной начинкой для пирогов, но сказал он о другом: – Неужели ты не чувствуешь? Нехорошее что-то надвигается, и все события, все мелочи, любая безделушка – все может иметь значение. Про бомбу для клопа ты верно заметила. Я и сам не дурак вроде. Не тянет энта финтифлюшка ни на бомбу, ни на мину, ни на гранату. А вот на миноискатель – вполне. Что скажешь?

Матрена посидела молча, сцепив под столом руки. Потом, не поднимая глаз, медленно помотала головой.

– Мои слова, Светлый, слышнее, чем твои. Понимаешь?

Участковый сосредоточенно кивнул.

– Я тебе скажу – мне аукнется. И это понимаешь?

– И энто понимаю, Матрена, и энто.

– За предупреждение спасибо, я запомнила... этот жест. – Она наконец подняла глаза в отчетливой сеточке морщин. Денисов затаил дыхание. – Не знаю, поверишь ли ты, но мне жаль, что я не могу помочь тебе в ответ. Ты, конечно, можешь найти в этом и козни, и препятствие следствию, и нарушение уговора... При желании можно найти что угодно. Куда сложнее найти то, чего нет. Понимаешь? А дальше – воля твоя, можешь шепнуть кому следует, сдать меня...

– Тесто! – торопливо перебил ее Денисов. – Отвлек я тебя, хозяйюшка, тесто-то совсем поднялось!

Они оба зашевелились, задвигались, Матрена поспешила за печку, участковый сгреб со стола амулет, нахлобучил шапку, проковылял к двери.

– Счастливо оставаться, Матрена!

– И тебе счастливо, касатик!

* * *

В сельских клубах Угорь не бывал давным-давно. Он бы и сегодня не попал, но нигде не мог найти участкового оперуполномоченного лейтенанта милиции Денисова. Кабинет был закрыт, да Угорь и не рассчитывал, что Федор Кузьмич до позднего часа сидит на работе. И дома его не оказалось. Супруга Денисова Людмила, беспечно, на взгляд Евгения, отнесясь к расспросам постороннего человека, сообщила, что вроде бы планировал участковый заглянуть в клуб, где нынче собиралась по какому-то поводу сельская молодежь.

Приведя себя в порядок в «предбаннике» – то есть сбив снег с ботинок и пригладив волосы, – Угорь потянул дверь, из-за которой доносились возбужденные радостные голоса. Кажется, уговаривали кого-то спеть, а тот – не кривляясь, а действительно смущаясь – отказывался. В ту самую минуту, когда Евгений возник на пороге, молодой человек наконец сдался и принял гитару, провел по струнам, вслушиваясь в звучание, и даже воздуху в грудь набрал, но, заметив в дверях незнакомца, замер. Навстречу дозорному поднялась славная шустрая девушка, хотела что-то сказать или спросить, но Угорь прижал палец к губам, другой рукой показывая: потом, все потом, вы же видите – человек выступает! Девушка все же подбежала к нему, задорно стуча каблуками лакированных туфелек по свежеекрашенному дощатому полу, встала рядом, плечом к плечу, лицом к собравшимся, и едва слышно шепнула:

– Здравствуйте! Я Зина, заведующая клубом. Вы по делу, товарищ?

Заверив ее, что он вовсе не по делу, Угорь жестом предложил послушать гитариста. Тот, внимательно проследив за общением Зины с Евгением и поняв, что может продолжать, вновь провел пальцами по струнам и запел. Правда, оперативник был уверен, что минутой ранее парень планировал исполнить совсем другую песню, а теперь вдруг передумал. Он начал медленно, вполголоса и так, будто решил поведать всем крайне интересную историю:

Один солдат... на свете жил...

И, брякнув по струнам чуть сильнее, чем следовало, продолжил озорно и ритмично:

Красивый и отважный,
Но он игрушкой детской был —
Ведь был солдат бумажный.

Он переделать мир хотел,
Чтоб был счастливым каждый,
А сам на ниточке висел —
Ведь был солдат бумажный.

Он был бы рад – в огонь и в дым,
За вас погибнуть дважды,
Но потешались вы над ним —
Ведь был солдат бумажный.

Не доверяли вы ему
Своих секретов важных.
А почему? А потому,
Что был солдат бумажный.

А он, судьбу свою кляня,
Не тихой жизни жаждал
И все просил: «Огня, огня!» —
Забыв, что он бумажный.

В огонь? Ну что ж, иди! Идешь?
И он шагнул однажды.
И там погиб он ни за грош —
Ведь был солдат бумажный.⁶

Вокруг все захлопали, загомонили, и Евгений не сразу понял, что ему, наверное, тоже нужно аплодировать – для конспирации. Песня произвела на него большое и не слишком приятное впечатление. Вернее, не сама песня – ее он знал и любил, много раз слышал и в авторском исполнении – на грампластинке, и на дружеских посиделках с другими оперативниками в области. Его поразило то, какие интонации использовал нынешний исполнитель: поначалу легкомысленные, потом настороженные, тревожные, затем досадливые, надрывные – все как полагается. Но чем дальше, тем больше ощущалось Евгением некое презрение, подтрунивание, издевка...

⁶ Булат Окуджава «Песенка о бумажном солдатики».

«Вот ты какой, Николай Крюков! – оторопело думал Угорь, разглядывая парня. – Стало быть, понял, кто я такой? И, поняв, вот такое ко мне отношение выразил?!»

Крюков так же открыто оценивал дозорного, прищурившись и едва заметно улыбаясь.

– Вам понравилось? – ревниво уточнила у оперативника Зина. – Здорово, правда? Что же вы стоите? Проходите, садитесь! А вы из... – Она примолкла, предлагая Евгению самому закончить, из какой организации он прибыл с визитом в сельский клуб Светлого Клина.

– Да я тут по личному делу, не обращайтесь внимания! – постарался оправдаться Евгений, смущенный количеством пытливых глаз.

– Вы из райкома! Верно? – вспомнил председательский водитель Витька. – Вы к нам с месяц назад приезжали, я подвозил. Только Семен Семеныча тут нет!

– Вообще-то я не к нему, а к Федору Кузьмичу.

– Зачем вам папа? – подала голос крепенькая шатенка, встревоженно распахнув невероятно красивые глаза.

– Да вы не беспокойтесь! Я же говорю – у меня личное дело, к его службе отношения не имеющее. Я здесь не как представитель райкома... и зовут меня, между прочим, Евгением, Женей. Вы лучше расскажите мне, что это у вас тут за мероприятие? Вроде Новый год только послезавтра...

– А у нас репетиция! Катку пропиваем! Кольке бригадира дали! – заголосили все одновременно.

Угорь растерянно заморгал, а славная девушка Зина славно улыбнулась и виновато развела руками:

– Видите, как много у нас поводов! Ваня Бухаров со своей бригадой перевыполнил план – это раз. Николай Крюков в самый мороз совершил героический рейд в тайгу и вывез наших парней – это два. Его там, в «Светлом пути», за это бригадиром назначили.

– Да не за это, а вообще! – поправил кто-то, но на него зашикали, и Зина необходимо отмахнулась:

– И вообще, и за это тоже. А еще у Коли с Катей скоро бракосочетание, вот!

– Молодцы! – одобрил Угорь, косясь на Крюкова. – Ладно, я не буду вам мешать...

– Что вы, Женя?! Оставайтесь! У нас весело, и вообще...

– Папа, может, сюда зайдет! – добавила Катерина. – Не бегать же вам по всей деревне, его разыскивая? Здесь тепло...

– Тепло, – признал Евгений и решил ненадолго задержаться. Снял пальто, встряхнул, сбрасывая на пол последние капельки обратившегося в воду снега, повесил на свободный крючок у двери – там же, где, входя, оставил шапку. Шарф – роскошный, настоящий шотландский, в разноцветную клетку, по давней, детской еще привычке запихнул в рукав пальто.

– Садитесь рядом, товарищ Угорь, – позвал Крюков, улыбаясь с теплотой, показавшейся Евгению насквозь фальшивой. Но делать было нечего, на маленькой сцене уже выступали два паренька – видимо, комический номер, потому что зал начал смеяться даже раньше, чем они успели хоть что-то сказать.

Угорь сел по правую руку от Крюкова, с демонстративным любопытством посмотрел на сцену. И вздрогнул, услышав в самое ухо тихий шепот:

– Не ко мне ли вы приехали, товарищ?

– Не волнуйтесь, Николай, я не по вашу душу, – как можно дружелюбнее ответил Евгений.

– Души нет, это ученые доказали! – тем же приглушенным шепотом сказал Николай.

– Какие ученые? – растерялся Угорь. – Ваши... Темные?

– Что еще за темные? – удивился Крюков. – Наши! Советские!

«Да он же издевается надо мной, – растерянно подумал Угорь. – Самым натуральным образом. Будто я не полномочный представитель Ночного Дозора, а... бюрократ какой-то...»

Он повернулся, левой ладонью слегка развернул голову Николаю – и сам прошептал ему на ухо:

– Души нет у вампиров. Так принято считать. У остальных есть. Даже у тебя, полагаю.

Крюков насупился, глядя в глаза Евгению. Потом спросил, вроде уже не паясничая:

– Что тебе нужно? От меня?

– Да ничего. – Светлый маг пожал плечами. – От тебя – уже ничего.

И посмотрел на Николая сквозь Сумрак.

Увы, много увидеть он не успел. Аура Темного Иного, конечно, была на месте. А вот ни уровня Силы, ни даже специализации Угорь понять не успел – его крепко схватили за плечи, приподняли, развернули...

– Евгений Юрьич! – радостным полусшепотом воскликнул Денисов. – Какими судьбами! Пойдем, пойдем... уж прости, что мешаю выступление досмотреть!

Был участковый в полушубке, в шапке и даже снег с валенок не отряхнул. Видать, очень торопился к гостю с улицы.

– Ну, бывай, Николай... – сказал раздосадованно Угорь. Набросил пальто, вышел в сени вслед за Денисовым. Потер глаза – когда резко прерывают сумеречный взгляд, глазные яблоки начинают болеть, будто их распирает изнутри.

Участковому хватило совести выглядеть смущенным.

– Уж извини, Евгений Юрьич, не хочу я, чтобы ты на парня смотрел... *так* смотрел...

– С чего вдруг? – насторожился Угорь.

– Суеверие у меня есть. Когда на свежеобращенного Темного часто Светлые сквозь Сумрак смотрят – он быстрее злобу набирает.

– Чего? – поразился Угорь. – Кто?

– Злобу быстрее набирает. Он. Темный, а не Сумрак, – зачем-то уточнил участковый и развел руками: – Суеверие такое у меня. Основанное на личном опыте.

– Если на личном – то уже не суеверие, а примета, – поправил Угорь и досадливо махнул рукой. – Да как хотите, Федор Кузьмич. Если вы за ним приглядываете – мне этого достаточно, не буду смотреть. Я не ради Николая приехал. Можно мне поговорить с вами... по душам?

– Так айда ко мне, Евгений Юрьич, – пожал плечами Денисов. – Только пальтишко-то застегни, морозно.

* * *

Угорь не стал спешить – дождался вскипевшего чайника, немедленно поставленного Денисовым на плитку, выпил две чашки чая (и впрямь отогрелся с мороза), на невзначай продемонстрированную Федором Кузьмичом бутылочку из-под болгарского бренди (сейчас в ней была какая-то домашняя настойка солнечно-желтого цвета) не отреагировал – не настолько замерз, чтоб среди бела дня пить.

И лишь после второй кружки чая Евгений завел разговор, ради которого и приехал.

– Странная история у меня приключилась, Федор Кузьмич. Вы местные нравы лучше знаете... может, подскажите чего?

– Расскажи – попробую подсказать, – кивнул участковый.

– Вчера мне запрос пришел. – Угорь вздохнул, запустил руку во внутренний карман пиджака и достал аккуратно сложенный вдвое тетрадный листок. – Все как положено, по форме «шестнадцать цэ»...

Денисов удивленно приподнял бровь.

* * *

...Угорь держал в руках листок в косую линейку, аккуратно вырванный из тетради для первоклашек, и не верил своим глазам. Все было на месте: и «шапка» в верхнем правом углу: «Областному управлению Ночного Дозора...», и подпись внизу, и сам текст, написанный тем ужасным бюрократическим канцеляритом, что одинаков и у людей, и у Иных.

И текст был правильный – прям как из учебника «Основы делопроизводства Ночного и Дневного Дозоров». Совершенно четкий и разумный текст:

«Я, Варварина Полина Фердинандовна («бабка Варвара»), Темная Иная, ведьма, четвертый уровень Силы, в соответствии с Великим Договором и поддоговорными актами, прошу у Ночного Дозора право на магическое действие нятого шестого уровня. В качестве положенной компенсации предоставляю Ночному Дозору право на магическое действие четвертого уровня. Детали готова уточнить в личном порядке».

Во-первых, не вязался в голове Евгения этот запрос и листочек, на котором ожидаешь увидеть неловким детским почерком выведенное «Мама мыла раму».

Во-вторых, никогда Евгений подобные запросы не получал и никого, получавшего такие, не встречал. Была у него твердая убежденность, что запросы на применение магии обитали только в учебниках.

Ну и в-третьих, с какой это стати рядовая ведьма четвертого уровня (не слабая, ну так не сказать, что и сильная) просит у него право на воздействие шестого уровня – а отдариваться готова четвертым? Она вообще на это право имеет? Ей свое же начальство голову оторвет!

В общем, Угорь пролистал картотеку – нашел там скудную информацию о «бабке Варваре», по сути – три листка на машинке. Была Полина Фердинандовна ведьмой немолодой, за двести ей всяко перевалило, звезд с неба она никогда не хватала, в картотеке вообще числилась пятым уровнем. Характеризовали ее, в общем и целом, довольно положительно. Может, она по молодости лет и куролесила – кто уж теперь упомянет времена наполеоновского вторжения, кто скажет, не сходила ли внезапно красота с ее соседок, не пропадали ли в лесу малые дети, некисло ли молоко у коров в вымени... Но последние сто лет Полина Фердинандовна вела жизнь тихую, спокойную, пестовала прапраправнуков (или какое там у нее поколение уже росло?), осторожно морочила соседям и родственникам головы, чтобы те не задавались вопросом, сколько же уже лет «бабке Варваре». Получала она пенсию, причем повышенную, как ветеран труда и участница партизанского движения, но то ли для приработка, то ли от скуки – помаленьку колдовала. Шли к ней жены, у которых мужья стали больно часто прикладываться к бутылке, шли зареванные девицы, от которых ушли женихи, родители вели детей, страдающих от заикания или энуреза... Все как обычно. И все настолько банальное и в общем-то ни к Тьме, ни к Свету отношения не имеющее, что ни Дневной, ни Ночной Дозоры ведьмой не интересовались.

И ведьма ответного интереса не проявляла. Ничего не просила. Ни на что не жаловалась. Проблемы свои решала либо мелкой магией, либо беря измором человеческие власти – Полина Фердинандовна и в обкоме, и в собесе, и в облздравотделе слыла ужасной склочницей, так что все требуемое получала быстро и легко: и путевку в Варну, на Черное море, и льготную очередь на автомобиль «Запорожец», и доступ в спецраспределитель, ко всякому дефициту.

В общем, никакой нужды просить у Ночного Дозора право на воздействие шестого уровня у Полины Фердинандовны не было. Сотворила бы свою магию тишком – никто бы и не заметил. И расплачиваться не надо...

Угорь рассеянно потер переносицу, глядя то в досье, то на письмо ведьмы. А потом, пожав плечами, встал из-за стола и пошел к двери. Видимо, стоило пообщаться с Полиной Фердинандовной...

* * *

– Врет она все, бабка Варвара... – сказал Денисов. – Нет у нее никакого четвертого уровня. Пятый. Едва-едва пятый!

– Дневной Дозор подтвердил четвертый, – заметил Угорь.

Денисов снова включил плитку и водрузил на нее чайник. Махнул сокрушенно рукой:

– Энтот же ведьмы, Евгений Юрьич! У них все по-другому. Сумела артефакт сотворить четвертого уровня – стало быть, и сама четвертого... А она, может, энтот артефакт нашла. Или купила у другой ведьмы, посильнее. Или сто лет Силой накачивала... Наши ярлычки для ведьм не годятся. У них своя табель о рангах, свой счет Силы есть... только не расскажут. С тех пор, как Конклав Ведьм разогнали, не любят они ни Светлых, ни Темных...

– Разогнали Конклав за дело, – заметил Угорь. – Но зачем ведьме пыжиться, стараться выглядеть сильнее, чем есть? Это просто неумно! И даже опасно!

Денисов рассмеялся.

– Ох, молод ты ишшо, р-руководитель... Они же во вторую очередь ведьмы! А в первую – женщины! Красотой ведьмам не помериться, сам знаешь, живут они долго, но и стареют быстро, как люди. И омолодиться не могут, не работают у них те заклинания, что у волшебниц. Вот и меряются силой.

– Допустим, – согласился Угорь. – Но мне эта «Варвара» показалась женщиной и не глупой, и не слабой. И если уж на то пошло – симпатичной.

* * *

...По какой такой причине они не могли продлить свою молодость – никто не знал. В том числе и сами ведьмы, хотя им, конечно, этот вопрос был ох как важен! Но любая мало-мальски сильная волшебница могла продлить не только свою жизнь, но и молодость, оставаясь красивой и соблазнительной и в двести, и в пятьсот лет. По большому счету, женщины-Иные старели лишь тогда, когда их разум входил в полное противоречие с телом, и они уже не хотели выглядеть слишком молодыми. У ведьм было иначе – и это как раз стало корнем всех проблем, случавшихся с ними. То и дело появлялась очередная «первооткрывательница», уверенная, что ванна из крови красивых девушек (или бульон из них же) вернет ей молодость. Молодость, конечно, все равно не возвращалась, а вот Инквизиции – как человеческая, так и Иная – работали вовсю.

Полина Фердинандовна Варварина не пыталась прятаться за «паранджой» или другими заклинаниями красоты, это Угорь понял сразу. Но выглядела она... скажем так – прилично. Пожилой, но не старой, сохранившей обаяние и даже женскую привлекательность. Поймав любопытный взгляд Евгения, ведьма мимолетно глянула в зеркало, поправила прическу. Спросила:

– Я не выгляжу на свои годы?

– Да, – признался Угорь. – И... это ведь не магия?

Они сидели и беседовали за круглым полированным столом в гостиной. Квартира у ведьмы была просторная, уютная, никогда и не подумаешь, кому принадлежит. В центре стола на белой кружевной салфетке стоял горшок с цветущим розовым кустом – и это среди зимы! Угорь вспомнил сказку «Снежная королева» и почувствовал себя не в своей тарелке – будто не ведьму пришел по долгу службы расспрашивать, а добрую бабушку обижать. А тут еще в углу комнаты валялся детский портфельчик, и Угорь понял, что бумагу для «формы шестнадцать цэ» просительница позаимствовала у одного из прапраправнуков. Ну что тут поделать – добрая старушка, хоть и ведьма...

– Магия не помогает, – вздохнула Полина Фердинандовна. – Это натурпродукт. Мази. Сыворотки. Отвары из трав, вытяжки из некоторых... – Она замолчала на мгновение, потом закончила: – Биологических вещей. Вы не беспокойтесь, ничего запретного. У меня внучка работает на фабрике «Невская косметика»...

– Внучка?

– Ну, праправнучка... – «Бабка Варвара» поморщилась. – Не называть же ее так? Вот я ей кое-что подсказываю, она в производство пускает, мне привозит... Из Франции друг кой-чего шлет, из самого Парижа. Я ему рецепт крема из лютичного чистяка подсказала... они во Франции самую лучшую косметику делают, а знаешь почему?

– Почему?

– Потому что француженки – самые страшные женщины в мире! – таинственным шепотом сказала ведьма. – Не повезло им, бедненьким... Но они не сдались, они научились за собой ухаживать, мужчин соблазнять – и весь мир их полюбил! Правда-правда!

– Очень интересно, – сказал раздосадованный Угорь. Похоже было, что ведьма просто морочит ему голову. Надо же такое ляпнуть... самые страшные женщины! Евгению очень нравилась Анни Жирардо... – Так что там у вас с магическим воздействием? К кому вы его хотите применить?

– Сергей Викторович Капустин, сорока восьми лет, – бодро затараторила ведьма. – Главный инженер деревообрабатывающей фабрики. Ушел из семьи после двадцати пяти лет брака, свадьбу серебряную отгулял – и ушел... засранец! К медсестричке с фабрики. И все бы ладно – да у них с женой недавно ребенок родился, поздненький, три года всего, старшие-то уже выросли... Видать, не выдержал снова пеленок-колясок, у мужиков это бывает...

Угорь поморщился. Все ведьмы были в этом похожи – в неприязни к мужской натуре, к тому, что «гуляют», «уходят», «бросают». У них даже интонации становились одинаковыми, когда начинали говорить о делах семейных. И на свой странный, ведьминский лад все они стояли за крепость брака и верную любовь. Даже когда продавали привороты и отвороты. Даже когда сами гуляли налево и направо...

– В партком ходить не пробовали? – спросил дозорный.

– Беспартийный он, хоть и главный инженер, – пояснила ведьма. – Да и объяснил ей все, дескать, нажалуешься на меня, дура, так меня же уволят, уйду в дворники, и будешь ты получать не алименты, а слезы горькие...

– И жена пришла к вам, – кивнул Евгений. – Так. А к чему тут воздействие шестого уровня? Не жирно ли будет?

– Нет, не жирно, – покачала головой «бабка Варвара». – Любовь там, Светлый. Настоящая. И у гулены этого, и у медсестрички евойной. С одной стороны – жена верная, сынок маленький... С другой – любовь беззаветная. Тут аккуратно все делать надо, будто по минному полю идешь, да еще под прицелом...

Оперативник нехотая вспомнил, что «бабка Варвара» на самом деле партизанила и ходила «под прицелом», а может, и по минному полю. Поежился. Вздохнул.

– У Ночного Дозора нет принципиальных претензий к предлагаемому вмешательству, – сказал он. – Но с компенсацией, разумеется.

– Как обещала, Светлый, – кивнула ведьма, протягивая лист плотной бумаги. Да, это был не тетрадный листок... по всем правилам оформленное разрешение Дневного Дозора, признающее право ведьмы Полины Фердинандовны Варвариной передать любому желающему право на использование магии четвертого уровня... Имелись и подписи, и печати. Выправлено разрешение было два дня назад.

– Очень все запутанно и странно, – сказал Угорь, разглядывая листок. – Скажите, баба Варвара, а с чего такая щедрость?

– Может, у меня личные причины есть? – вопросом ответила ведьма. – Совсем личные?

– Жена этого... инженера... кем она вам приходится? – вдруг спросил Светлый маг.

– А это не твое дело, – резко ответила ведьма. – Ну что, соглашаешься или нет?

Угорь колебался недолго. Объяснение, внезапно пришедшее в голову, было таким простым и логичным! Единственно верным. Старая ведьма бдительно следила за своей семьей, особенно – лицами женского пола. И не давала их в обиду. Отсюда и неожиданная щедрость.

– Хорошо, – кивнул он. – Ночной Дозор дает вам право на магическое воздействие шестого уровня в отношении Сергея Викторовича Капустина...

– И его близких! – напомнила ведьма.

– И его близких, имеющее своей целью возвращение Сергея Викторовича Капустина в семью, при условии минимизации страданий и переживаний других лиц.

– Годится, – кивнула ведьма. – Ну а я тебе, Светлый, даю право на вмешательство четвертого уровня.

Она резко встала.

– Заболталась я с тобой! А мне обед надо готовить, сейчас внучка из школы придет...

Угорь в задумчивости вышел и отправился на работу. А на следующий день не утерпел – произвел кое-какое расследование о Капустине, его жене и медсестре-разлучнице... После чего кинулся к Денисову.

* * *

– Понимаю, – сказал участковый, стоя у окна. – Никакого отношения к ведьме ни жена Капустина, ни сам Капустин, ни подруга его не имеют?

– Совершенно верно, – сказал Угорь. Со стыдом добавил: – Попался, как мальчишка... ведьма меня просто подвела к той мысли, что она хочет по-семейному помочь своим... оттого и щедрая такая. Не обманывала, не колдовала – позволила самому себя обмануть.

Сделав такое признание, Евгений отвел глаза. Конечно, Федор Кузьмич – не родное руководство, которое за подобные оплошности по головке не погладит, и даже более того: может и выговор впасть, и надолго запомнить, чтобы при случае ненавязчиво этак попенять – дескать, смотри, служивый, чтобы тебя снова Темные вокруг пальца не обвели. Не смертельно, но неприятно. Федор Кузьмич – это другое дело, он свой, он – хотелось надеяться – и посочувствует, и подскажет, и выручит. Ну, пожурит, возможно. И все равно – кому приятно признаваться в собственной недоработке? Тем более признаваться тому, кто загодя предупреждал о возможных провокациях и необходимости везде и всюду быть начеку. Вот и отвернулся Угорь, прикинувшись, будто разглядывает фотографии, по деревенской традиции кучно приколотые к обоям на стене, на самом видном месте. Тут было десятка два разнокалиберных черно-белых прямоугольничков, частично пожелтевших, потрескавшихся и хрупких от старости, а частично – новеньких, глянцевых. Прикинуться-то Евгений прикинулся, но уже через секунду рассматривал снимки с неподдельным интересом. Вот это – Катя, ее он нынче видел в клубе. Вот она же, только в школьной форме, с пионерским галстуком – класс пятый-шестой, наверное. Тут она еще младше, с опаской глядит на самодельные качели... Дальше шли многочисленные родственники – родители Федора Кузьмича и его супруги, а может, и не родители, но кто-то явно очень близкий, поскольку снимки были древними, начала века, наверное, и успели так сильно пожелтеть, что лица почти сливались с фоном, но карточки продолжали висеть на почетном месте горницы. Значит, эти полустершиеся лица в семье Денисовых любили, уважали, хотели помнить и видеть постоянно.

А на двух фотографиях был сам Федор Кузьмич. Худой, можно сказать – осунувшийся, но браво глядящий молодой мужчина в военной форме с двумя рядами орденов и медалей. В уголке дата – 1946 год. Другой снимок, видимо, свадебный – тот же молодой мужчина,

только в гражданском костюме, рядом – празднично одетая и затейливо причесанная Людмила, совсем юная и счастливая.

Потрясенный Угорь не мог оторвать взгляда от этих двух карточек. Молодой! Федор Кузьмич – молодой! Не мальчишка, конечно, не юноша – мужчина лет тридцати или чуть старше.

Оперативник не задумывался раньше, да и дома у участкового до нынешнего дня не бывал. А тут все сразу – и разговор о ведьмах, и фотографии на стене... Евгений вспомнил, как Денисов рассказывал, что впервые ему предложили вступить в Ночной Дозор сразу после войны. Значит, Иным он к тому времени уже был. Значит, мог, продлевая свою молодость, оставаться таким, каким вернулся с фронта, – тридцатилетним мужиком! Ведь он-то – не ведьмак, а самый натуральный маг! Пусть не великой силы, но даже с шестым рангом Иные по двести-триста лет живут, не старясь. Значит, и он мог бы! Но почему-то отказался от этого права, от этой возможности, от этого дара. Угорь по-новому взглянул на старика. Вон оно как! Конечно, Федор Кузьмич, ежели ничего страшного не случится, переживет и свою жену, и дочь, и, возможно, внуков-правнуков. Грустно все это, но Иные рано или поздно свыкаются с неизбежным. Но тогда, после войны, Денисов свыкаться ни с чем не собирался, он сделал выбор в пользу своей любви, в пользу счастья и благополучия своей супруги – обычной женщины. Он четверть века жил вместе с ней, растил дочь вместе с ней и вместе с ней старился. Намеренно. Осознанно. Иначе у них не было бы возможности быть вместе. С ума рехнуться, как выражаются в деревне...

– Страшного-то ничего не произошло, – меж тем рассуждал вслух Денисов. – Тут ведь и впрямь – и так плохо, и так нехорошо. То ли жена с дитем страдать будут, то ли подруга молодая. Как я считаю – нехорошо из семьи уходить, если там дите малое, а жена уже в годах и вряд ли кого себе найдет. Выходит, все верно ты сделал. Энто мое такое мнение.

– Так-то оно так... – еще разок оглянувшись на фотографии, вздохнул Угорь.

– Смущает ее щедрость, – продолжал участковый. – Право на воздействие четвертой степени? Да с чего бы вдруг? Должна в энтот быть какая-то хитрость, но какая – понять я не могу.

– Вот и я тоже, – рассеянно крутя в руках пустую чашку, сказал Угорь. – Уж простите, что побеспокоил... думал, вдруг вам со стороны виднее.

Денисов помолчал, размышляя. Потом сказал:

– Мое мнение вот какое, Евгений Юрьич. Дело не в инженере энтот или семье его. Дело в том, что Темные зачем-то тебе решили право на магию дать. На сильную магию, четвертого уровня! Как энтот можно во зло обратить – не знаю. Но советую... каждый раз, когда тебе захочется правом своим воспользоваться и магию применить, – трижды подумай! Не в энтот ли их замысел состоял?

Лицо Угря пошло красными пятнами.

– Я так и думал, если честно. Ночь не спал, все головоломку эту решал... и до того же самого додумался. Потому что иначе никакого смысла в ее поступке нет, а не бывает такой ведьмы, чтобы без умысла подарки делала!

– Даже обычных женщин таких не бывает, – усмехнулся Денисов.

– А я вот что сделаю, – резко сказал Угорь. – Ход конем... то, чего они не ждут. Держите, Федор Кузьмич!

Он открыл портфель, достал картонную папку и протянул участковому.

– Тут это самое разрешение на магию. Оно без имени, захотите – можете сами использовать.

– Ты энтот брось... – начал было Денисов, но Угорь уже отступил на шаг, заложил руки за спину и энергично замотал головой:

– Нет, Федор Кузьмич, это вы бросьте! И я чувствую, и вы понимаете, что Темные мне какую-то ловушку подстроили. Какую – понять мы не можем, а вот не вступить в нее – в нашей силе. Забирайте разрешение! Используйте, не используйте, в печке сожгите – ваше право! А мне им пользоваться не стоит, сами же сказали...

Денисов постоял, глядя на кипящий чайник. Пар шел к окну, оседал на стекле влажными узорами.

– Прав ты, Евгений Юрьич, – неохотно признал он. – Прав. Но мне это очень не нравится!

– И мне тоже, – кивнул Угорь.

Глава 4

Аесарон прибыл ровно в полдень. Самое смешное, что визит Высшего Темного мог бы и вовсе остаться незамеченным – будь на то воля руководителя Дневного Дозора аж трех сопредельных областей. Как ни крути, а маг такого ранга запросто найдет способ замаскироваться, обвести вокруг пальца оперативника уровня Евгения, прикинувшись более слабым, незначительным, а то и вовсе не обладающим Силой Иного. Уж афишировать свои перемещения Темные точно не любили – скорее, наоборот, всячески старались избежать регистрации и каких-либо пересечений со Светлыми вообще. Однако Аесарон предпочел явиться с фанфарами.

Угорь читал книгу, полулежа на диване – теперь, после вынужденного переезда из здания администрации бумфабрики, у Ночного Дозора был кабинет, в котором помещались не только стол и шкаф. В новом кабинете было два шкафа и два стола, потому что – о, счастье! – в районном Дозоре наконец-то появился еще один сотрудник. Правда, сотрудник приходящий. Или, вернее, приезжающий – Евгению было обещано, что ведунья Танечка будет не реже двух раз в неделю навещать из областного центра, помогать с отчетами, рапортами, архивом и прочей бухгалтерией, а также подменять оперативника, когда тому понадобится надолго отлучиться по делам или просто отоспаться. Угорь прекрасно понимал, чем обязан столь щедрому подарку. Впрочем, Танечка, какие бы указания областного начальства ни выполняла, работать не мешала. Ну, докладывает она вышестоящему руководству о текучке, делах и планах Евгения – и пусть докладывает, ему скрывать нечего. А сумеет подстраховать в трудную минуту – так спасибо ей будет огромное.

На шпиона или контролера Танюша не походила совершенно – была впечатлительна и смешлива, обожала Сергея Есенина и Муслима Магомаева, таинственные истории и древние легенды. Собственно, книжка, которую начал читать Евгений, была ее. Таня продемонстрировала томик в первый же свой приезд, сопроводив демонстрацию словами: «Вот! Раз уж мне предстоит работать с туземцами, хочу узнать о них как можно больше!» Желание было похвальное, тем более что сам Угорь изучить подробности истории и быта остяков пока так и не удосужился. Встречался с ними, знакомился, вел записи в картотеке, а вот так, чтобы копнуть поглубже, руки не доходили.

Разумеется, уезжая, Танечка забыла книжку. Вряд ли намеренно оставила – скорее, просто отвлеклась на что-нибудь, замечталась. А Евгений, наткнувшись на томик, интереса ради повертел его в руках – обычное издание, человеческое, и вполне современное, – полистал-полистал, да и увлекся легендами и мифами народов Сибири, собранными под одной обложкой. Старенький кожаный диван, широкий и даже не слишком продавленный, оказался весьма кстати. Угорь как раз дошел до раздела, в котором были представлены разные версии происхождения Млечного Пути. Например, кеты считали, что это дорога Первого шамана Дога, по которой тот ходил по небу. Дозорный мысленно поставил себе галочку – узнать, что в результате стало с мифическим Догом. Ходил он по небу или нет – не суть важно; даже если и пытался, то точно не по Млечному Пути. А вот то, что, судя по легендам, чароплетом он был невероятной силы, сомнений не вызывало. Если в сборнике и был ответ на вопрос, чем закончилось полное сражений и подвигов земное существование Дога, да и закончилось ли, Евгений до этого момента пока не добрался.

Что же касается Млечного Пути – куда интереснее была другая легенда: два брата-шамана поссорились, один решил навсегда уйти из племени, а другой в сердцах кинул ему в спину топор. Собственно, по одной из версий, след от этого топора мы и наблюдаем на небе в ясные безоблачные ночи. Глупость, конечно. Но некоторые представители народов Сибири, с чьих слов записаны легенды, искренне в это верят. А это значит, что когда-то в здешних местах проходили нешуточные баталии Иных. И, видимо, такие энергии были задействованы,

такие масштабы, что даже гигантский виток Галактики казался обычным людям всего лишь искрами, оставшимися от тех пожаров.

И вот как раз когда Евгений, полулежа на диване, знакомился с наследием остяков и в красках представлял себе сражения древних шаманов, грянули фанфары. Почему-то на ум сразу пришли слова услышанной недавно песни: «Он был одет в пурпурные одежды, над ним в тумане пели соловьи...»

Появление в городе Высшего Темного дозорный обязан уметь просчитывать заранее. Однако Угорь, по долгу службы и чисто механически ежечасно перебиравший вероятностные нити, о предстоящем визите Аесарона даже не догадывался. Получается, глава Дневного Дозора до поры до времени держал свои планы в таком секрете, что даже Сумрак не колыхался, а уже попав на место – заявил о себе во всеуслышание. Впрочем, линии вероятностей и теперь не сулили ничего скверного. Стало быть, внезапное появление Темного мага не вызвано чем-то экстраординарным и серьезных последствий иметь не будет. Визит такой персоны тем не менее не следовало оставлять без внимания. Антипатии антипатиями, а ради сохранения хотя бы видимости перемирия приходилось быть вежливым. Надев пальто и намотав на шею длинный клетчатый шарф, подпоясавшись терпением и охранными амулетами, руководитель районного Ночного Дозора отправился «выказывать почтение и обозначать присутствие».

Путь Аесарона легко читался. Неторопливо пройдя переулком, Угорь обогнул закрытый на ремонт ресторан и вывернул на площадь перед райкомом партии. Наверное, в каком-нибудь крупном городе подобное место и за площадь не считалось бы. Пятачок – он и есть пятак. Но в центре, как и положено, прямо напротив райкомовского фасада высился единственный в городке памятник – Владимиру Ильичу, а обочь имелись две скамейки с цветником и фонтанчиком, едва угадываемыми сейчас по причине сугробов. Все мало-мальски официальные мероприятия проходили именно здесь, между зданием Комитета партии и фонтаном, возле массивного кубического постамента, и именовать это место кроме как центральной площадью было вроде даже неловко.

Иные подходили к памятнику с противоположных сторон. Припорошенный снегом Ленин стоял на пьедестале в своей самой известной, классической позе: левая ладонь сжата на отвороте пальто, правая рука вытянута вперед и, вместе со взглядом, направленным ponad крышами домов в дали дальние, должна была, по замыслу скульптора, символизировать направление к светлому будущему. Однако сейчас Евгению казалось, что жест вождя адресован исключительно Темным – дескать, явились? А теперь проваливайтесь туда, откуда пришли! Жаль, Аесарон подобного символизма не замечал.

Глава Дневного Дозора был в чрезвычайно благодушном настроении. Евгению вновь вспомнилась песня: «Он продавал на лучшее надежды, и счастье, и безоблачные дни». Только в отличие от героя этих строк Аесарон всем своим видом показывал, что готов не продавать, а раздать даром. Да и с пурпурными одеждами промашка вышла – шел навстречу Евгению обычный чиновник в хорошем черном пальто и каракулевой шапке-«пирожке», точно в такой, в какой обычно товарищ Брежнев приветствовал с трибуны Мавзолея трудящихся, собравшихся на Красной площади по случаю ноябрьских праздников. Был Аесарон маленьким, кругленьким, но весьма подвижным мужчиной лет шестидесяти на вид. К тому же длинное пальто весьма удачно скрывало его полноту. В чертах лица угадывалась восточная (Евгений знал – бурятская) кровь. Сбоку и чуть сзади вышагивал сопровождающий – молодой и, судя по оттенкам ауры, совершенно безбашенный оборотень, не то охранник, не то специалист по мелким поручениям, «шестерка». Зачем Высшему телохранитель, догадаться легко – он, как и каракулевый генсековский головной убор, был элементом статуса, деталькой, штришком, придающим визуальный вес хозяину. Поговаривали, что в свое время Аесарон прошел через лагеря, и вполне возможно, что его любовь к декору повелась оттуда, с зоны. Правда, сам Угорь в этом эпизоде биографии Темного сомневался: неужели маг такого уровня позволил бы себя аресто-

вать и не вырвался бы на свободу при первой возможности, до или после вынесения приговора? Да заморочить одних, отвести глаза другим, усыпить третьих – делов-то! В обиходе у Темных есть и куда менее гуманные способы избежать неприятностей и расправиться с обидчиками. Ну, разве что ссылка была ему нужна для каких-то неведомых целей...

– Женька!!! – радостно, будто давнему, хорошему знакомому, замахал руками Аесарон. – Привет!

Евгений поморщился. Ну да, конечно, такая вот неожиданная встреча. Конечно, до сего момента Аесарон и не предполагал, и не чувствовал, и не видел направляющегося в его сторону дозорного. Конечно, он так скучал и так обрадовался, что вопит на всю площадь... Ну зачем этот фарс? Оставалось надеяться, что Темный не полезет с объятиями. Остановившись в двух шагах от руководителя Дневного Дозора, Угорь учтиво кивнул.

– Добро пожаловать, – без эмоций поприветствовал он Высшего мага. – Могу я поинтересоваться, чем вызван ваш визит к нам, Аесарон?

– Жень, – обиженно шевельнул пухлыми губами Темный, – к чему такой официоз?

Внутренне подобравшись, дозорный решил не поддаваться.

– А к чему такие фамильярности? – вопросом на вопрос сухо ответил он. – Я все же официальное лицо, хоть и не при исполнении в настоящий момент. Вы знаете правила, Аесарон: регистрироваться и отчитываться передо мной вы не обязаны, но можете по доброй воле сообщить о цели своего визита.

– По доброй воле, по доброй воле... – проворчал Аесарон, с театральным раздражением пародируя Евгения. – Вам сообщай – не сообщай, вы все равно шпика приставите. А?

«Это он на историю с Мельниковой намекает, – сообразил Угорь. – Уж не за «Всадником» ли пожаловал?»

– Ладно, ладно, не напрягайся, – прищурившись, благодушно махнул рукой Темный. – Я бы на твоём месте тоже распорядился глаз не спускать... Впрочем, тебе и распоряжаться-то нечем. А?

Оборотень, безразлично глядя по сторонам, довольно хмыкнул. Угорь молча ждал.

– Ну, фиксируй, – вздохнув, продолжил Аесарон. – Прибыл я с внезапной инспекцией. Отделение у нас тут совсем новое, так? Надо же мне посмотреть, как они здесь обустроились, проверить, чем заняты в рабочее время... Чего ты?

Услышав про инспекцию, Угорь недоверчиво глянул сквозь Сумрак: аура Темного мага семафорила во всех диапазонах – тут тебе и сирена, и мигалки, и гигантский кумачовый плакат с оповещением «Я уже прибыл!». Хороша внезапная проверка, если и свои, и чужие о ней знают уже четверть часа, не меньше.

– Ах, это! – поняв, чем вызвано повышенное внимание оперативника к ауре, улыбнулся руководитель Дневного Дозора. – А ты прикинь, в какой они сейчас панике! Как мечутся, как хвосты подчищают, как в порядок все приводят! – Аесарон захихикал, мелко подрагивая румяными щеками и потирая ладони. – Это же куда интереснее, чем просто нагрянуть, без предупреждения! Ну, тебе пока не понять. Вот будут у тебя свои сотрудники – тогда, может, и распробуешь вкус. А?

– И долго продлится ваша проверка? – не обращая внимания на очередную подначку, спросил Угорь.

– До вечера, – торопливо ответил Аесарон. – До полуночи, не меньше. И не больше. Но вот, скажем, если тебе есть что обсудить со мной... Официально, разумеется! Претензию, там, предъявить по работе или, наоборот, помощи попросить... – Оборотень, с отсутствующим видом вертящий головой, вновь хмыкнул – теперь уже презрительно. – В общем, если что – я могу и задержаться. А?

Евгений вдруг пожалел, что у него нет милицейской фуражки – почему-то захотелось этак небрежно приложить ладонь к козырьку и барским жестом отпустить их, словно нашко-

дившую, но в целом безобидную шпану. Но фуражки у дозорного не имелось, да и «шпана» была не так безобидна, как хотела казаться.

– Хорошо, – подвел он итог встрече. – Я надеюсь, мне не нужно напоминать вам о том, что мы рады всем гостям, если они не нарушают порядок.

– Если ты на это надеешься – зачем же напоминаешь? Есть на твоем участке какие-то особые правила, о которых нам стоит знать? – серьезным тоном уточнил Высший.

– Да бросьте! – поморщился Угорь. – Правила везде одинаковы, и вы их должны знать получше меня, Аесарон. Не шумите после двадцати двух ноль-ноль и собачку на газонах не выгуливайте. – Оборотень, услышав про собачку, дрогнул уголком рта – похоже, хотел ухмыльнуться, но не очень-то вышло. – Удачной вам инспекции и скорейшего счастливого возвращения домой.

– Да где ж тут газоны? – комично закрутился на месте Темный маг. – В твоей дыре, гражданин начальник, и летом-то газонов не сыщешь, а уж по зиме-то...

Угорь усмехнулся этой – еще одной! – слабенькой попытке уколоть его самолюбие и собирався уже ретироваться, когда его негромко окликнули:

– Евгений, здравствуйте!

Все трое удивленно вытаращились на незаметно подошедшую девушку. С трудом и только после того, как мысленно размотал толстый вязаный платок, закрывающий нижнюю часть лица девушки, Угорь признал ее – продавщица из гастронома. В голове почему-то вертелось – Нина, хотя дозорный прекрасно знал, что Ниной зовут вторую, пожилую и полную продавщицу, но вспомнить имя этой, совсем юной и худенькой, никак не мог. Ситуация складывалась нелепая – Евгений молчал, Темные с интересом разглядывали подошедшую, девушка смущенно топталась на месте. По всем правилам приличия, Угорь должен был представить ее своим собеседникам, а их – ей, но у него не было ни малейшего желания знакомить ее с Аесароном и его прихвостнем. Говоря откровенно, ему вообще не хотелось, чтобы она видела его в их компании, чтобы у нее сложилось впечатление, будто его может хоть что-то связывать с такими... такими... Да и как представить, если имя из головы вылетело?

– А я на почту ходила, – сообщила продавщица, – смотрю – вы стоите. Вы зайдете? У нас сегодня пироги с вишней, ваши любимые... Зайдете?

Аесарон расплылся в улыбке – мол, поня-атненько, дозорный времени зря не теряет! Оборотень забавно дернул кончиком носа и похабно оскалится.

– В общем, я искренне надеюсь, что могу рассчитывать на вашу цивилизованность, товарищи, – полуобернувшись к Темным, проговорил Угорь, чтобы хоть что-то сказать. – Во всяком случае, на цивилизованность того, кто отдает команды...

Ему очень хотелось добавить «зверушкам» или «зоопарку», но Евгений заставил себя сдержаться. Впрочем, оборотень по его тону прекрасно понял недосказанное, многообещающе сверкнул глазами и вновь дернул носом. «Да он же принохивается! – с омерзением подумал дозорный и вдруг испугался: – Он нюхает ее!»

– Пойдемте, Вера...

Вера! Ну конечно же, Вера! Взяв девушку под руку, Евгений быстрым шагом повел ее подальше от площади.

– Ох, молодежь! – кинул ему вслед Аесарон насмешливым тоном. – Совсем страх потеряли, никакого уважения к старшим. А? Верно я говорю, Палтус?

Угорь даже не поинтересовался у Веры, на работу она направляется с почты или домой, – он просто шел в сторону универсама, твердой рукой прижимая к себе локоть девушки, шел быстро, практически таща ее за собой, но она не возражала. За всю дорогу оба не проронили ни слова, хотя Евгений буквально физически ощущал распирающее ее любопытство. Во-первых, кто же такой этот молодой человек, постоянно покупающий у них в отделе пирожки с соком? Кем он работает, раз так строго и назидательно разговаривает с человеком, который,

если судить по внешнему виду, не самое последнее лицо в районе, а может, даже в Комитете партии? Во-вторых, он что же – провожает ее? То есть он идет с ней через полгорода под ручку, на глазах у всех, не скрываясь – это что-то означает?

Наконец впереди показалась пожарная часть, от которой было рукой подать до магазина.
– Вера, в котором часу вы сегодня заканчиваете?

Она мгновенно вспыхнула, и Угорь беззвучно застонал от досады – она уже что-то напридумывала себе, да в таких красках, что теперь любое его слово, любое действие будет рассматривать на предмет подтверждения собственных догадок. Разубеждать ее сейчас в чем-либо не было ни времени, ни смысла. Конечно, можно заставить девушку забыть его вопрос, можно заставить вообще выкинуть из головы всю примечтавшуюся романтическую ерунду, но это будет вмешательством, воздействием самого минимального уровня, и, оказавшись поблизости кто-нибудь из Дневного Дозора, Темные заставят Евгения заплатить за необдуманное действие – то есть за столбят за собой право на подобное вмешательство в будущем. Минимальный уровень – это, конечно, не так уж страшно, но как знать, в какой момент и при каких обстоятельствах Темные потребуют вернуть должок?

Дозорный ослабил руку, отпустил Верин локоть и, не глядя на нее, буркнул:
– Извините!

После чего развернулся на сто восемьдесят градусов и с прежней скоростью двинулся обратно, в центральную часть города, поближе к конторе, дивану, книжке с легендами и мифами. Оставшаяся за спиной реальность негромко проинформировала вослед:

– Магазин закрывается в восемь.

* * *

Вернувшись в кабинет, Евгений на всякий случай позвонил в область, доложил руководству о прибытии в районный центр «дорогого гостя». Вообще телефоном он пользовался крайне редко – с кем общаться, если знакомых в городе практически нет? Разве что в универсаме справляться, завезли ли свежую выпечку...

Угорь чертыхнулся – универсам! Опять универсам. Смутное беспокойство не оставляло его. Как любой маг, не являющийся чистым предсказателем, Евгений умел предугадывать ключевые события – иногда лучше, иногда хуже; как дозорный-оперативник обладал необходимым набором инструментов для распутывания вероятностных нитей. Однако ни собственные возможности, ни рабочие амулеты не помогли ему сегодня предсказать появление Аесарона. Означает ли это, что его надежды на тишь да гладь в ближайшем будущем также не имеют оснований?

Евгению очень не понравился спутник руководителя областного Дневного Дозора. Не понравилось то, с каким превосходством он хмыкал, реагируя на шутки хозяина. Не понравился взгляд, который он постоянно прятал и которым напоследок многообещающе уколол Светлого мага. Не понравилось то, как он принохивался, запоминая запах Веры.

Посмеет ли оборотень пойти на преступление на чужой территории? Так ли чувствительно задел его Угорь? Жажда мести у них сильна, гораздо сильнее, чем желание поквитаться у Светлых: там, где Светлый терпеливо и молча переживает обиду, Темный, особенно низший Темный, обязательно постарается напакостить обидчику, отомстить при первой же возможности. Если верить Аесарону, город они покинут сегодня же, еще до полуночи, поэтому ближайший и, вероятно, единственный шанс может появиться у оборотня с дурацкой кличкой Палтус только этим вечером, когда Вера будет возвращаться с работы домой. Но вот решится ли он? Присутствие непосредственного руководителя и недвусмысленное предупреждение Ночного Дозора – достаточные ли это сдерживающие факторы? Случись подобный инцидент в областном центре или в любом другом крупном городе, с полноценными Дозорами и добросовест-

ным исполнением пунктов Договора, Евгений был бы уверен: достаточные. Но здесь, в глубокой провинции, посреди вековой дремучей тайги, при отсутствии надлежащего контроля на тысячи километров вокруг, не возникнет ли у оборотня желания порезвиться на воле?

Угорь вертел сегодняшний Верин прогноз так и этак, сам толком не понимая, с чего он взял, что опасность угрожает именно этой девушке. Напакостить оборотень мог каким-то другим образом, для этого не обязательно нападать на человека, тем более – на какого-то конкретного человека. Ну, понюхал он ее. Собаки и их дикие предки вообще любят нюхать всех подряд, особенно при знакомстве. Прогноз был совершенно безоблачный, но беспокойство дозорного почему-то не покидало. Порывшись в ящике стола, Евгений выудил из его недр и положил в карман брюк амулет с «серым волком» – простенькое и потому, наверное, безотказное средство против вервольфов. На всякий случай.

Зазвонил телефон. Абонента на том конце провода он не чувствовал.

– Ыыыы! – жалобно проныл Аесарон, едва оперативник снял трубку. – Женька, ты не представляешь, какой тут бардак! Только не вздумай злорадствовать, это недостойно Светлого!

– Да я и не собирался, – пожал плечами опешивший дозорный.

– Вот скажи, у тебя же данные где-то фиксируются?

– К-какие данные?

– Разные. Вы же бюрократы! Ты только не обижайся, я в хорошем смысле. У моих оболтусов в документах значится, что... сейчас... «Василий Вершков, потенциальный Иной, инициализирован двадцать девятого декабря сотрудником Дневного Дозора Харламовым с согласия районного отделения Ночного Дозора...» А?

– Ну, было дело, давал я согласие, – подтвердил Угорь.

– Я знаю, что давал. Вопрос – когда давал? Если верить записям моих крючкотворов, то тридцатого. А?

– Ну, может, и тридцатого.

– Да как же? – раздраженной скороговоркой произнес Аесарон. – Как же тридцатого? Они сначала инициировали, а потом у тебя согласие получили? А?

Евгений подумал.

– Нет, – твердо ответил он. – Сначала я дал согласие.

– Тридцатого?

– Ну, может, и тридцатого.

– А инициировали его тогда когда?

– Когда – тогда?

– Ыыыыы! – взвыл руководитель Темных. – Женя, ну хоть ты-то не издевайся! Ты же можешь посмотреть в своих записях, какого числа ты дал добро, а какого числа инициировали... этого... как его?.. Вершкова!

– Могу, – подумав, согласился Угорь.

– Ну так посмотри! – в отчаянии вскричал Высший маг. – И мне скажи!

– Хорошо, – послушно ответил Евгений, аккуратно положил трубку на край стола, направился было к шкафу, но вернулся, снова прижал трубку к уху, несколько секунд вслушивался в возбужденное сопение Аесарона и наконец спросил: – А это так важно?

Вместо ответа он примерно минуту слушал отборные бурятские ругательства. Когда отдельные слова начали повторяться, он все же решил поискать в шкафу нужные данные.

Аесарон звонил еще трижды – уточнял, сверялся и негодовал. Евгения удивляло, что могло помешать руководителю Дневного Дозора трех сопредельных областей прислать или привезти с собой какую-нибудь ведьмочку из областного архива, которая собаку съела на бланках, отчетах, сметах, формулярах и прочих бюрократических штучках. Вот, например, Танюша мгновенно привела документы Евгения в порядок и соответствие, теперь ему никакая инспек-

ция не страшна. И, кстати сказать, ни разу не связалась с Дневным Дозором, чтобы что-то там уточнить и сверить. Почему же Аесарон копается в бумагах лично? Что он ищет?

– Жень, я дурею! – уныло признался глава Темных, позвонив в очередной раз. – Разгоню, на хрен, этих, наберу других. А?

– Что теперь? – усталым голосом поинтересовался Угорь, который уже собирался потихоньку выдвигаться на улицы города. Днем ему поспать не удалось, теперь снова придется пат-рулировать, стимулируя себя специальными заклинаниями.

– Остыган Сулемхай. Он действительно покинул район?

– А кто это? – озадачился Евгений.

– Кетский шаман.

– Его так зовут? – перепугался дозорный, поняв, о ком идет речь. – Минуту!

Он добежал до шкафа, нашел нужную папку, вернулся к телефону.

– Мне он представился Флегонтом Бочкиным. Соврал?

– Остыган Сулемхай – это по-кетски, – терпеливо объяснил Темный. – Суломайский⁷ остяк. Если дословно, то «Дикий с Красной горы». А по паспорту – да, Бочкин. Раз, как ты говоришь, он тебе представился, значит, побывал здесь. Куда он уехал?

«Похоже, о «Всаднике в красном» он пока не знает!» – сообразил Евгений, тщательно пряча свои мысли от того, кто ждал ответа на другом конце телефонного провода.

– Без понятия! – совершенно искренне пожал плечами оперативник. – Он даже не регистрировался. Знаю только, что очень спешил на самолет. Но до трапа я его не провожал.

– Значит, мог улететь, а мог и остаться... – задумчиво пробормотал Аесарон. – Ладно, разберемся. Спасибо! – внезапно поблагодарил он Евгения, хотя во время предыдущих звонков обходился без этого. Ничего удивительного – в рабочем порядке Угорь и сам предпочитал сотрудничать с Темными без реверансов.

Натягивая пальто и наматывая шарф, Светлый маг мысленно строил сегодняшний маршрут. Сначала нужно будет пройти мимо автовокзала – в семь вечера возвращаются последние рейсы из окрестных сел. Мало ли кого занесет на ночь глядя? После этого он обычно прогуливался до аэродрома – в двадцать один тридцать прибывал самолет из области, а без четверти полночь он же отправлялся обратно. Хотелось бы, чтобы именно этим рейсом восwo-яси вернулся Аесарон со своей «шестеркой». Но времени до самолета еще о-го-го сколько, да и маршрут нынче придется скорректировать. Благодаря внезапной инспекции у Темных Угорь остался без пирожков с вишней, однако к универсаму так или иначе надо будет попасть – для спокойствия души. Магазин закрывается в восемь, он проследит, чтобы Вера без приключений добралась до дома, а потом можно и на аэродром. Пошарив в кармане брюк, он нащупал амулет, заряженный против вервольфа, хмыкнул и продолжил сборы.

Звонок застал его уже на пороге. Захотелось от всей души послать надоевшего главу Темных подальше. Но что поделать? Служба есть служба.

– Жень, – голосом совершенно опустошенного человека выговорил Аесарон, – у тебя в последнее время ничего не пропадало?

Евгений замер. Что он имеет в виду? Если сейф, то... О краже сейфа Угорь доложил своему руководству. Разумеется, озвучил и свои подозрения о причастности Темных. Руководство обещало разобраться, допросить кого следует. В первую очередь – Мельникову. А она – сотрудница областного Дневного Дозора, ее нельзя допрашивать без ведома ее непосредственного начальства. В какой бы форме ни происходила беседа с Анной, содержание наверняка стало бы известно Аесарону. Что же получается? Руководство до сих пор не предприняло никаких действий? А если предприняло, и Аесарон в курсе кражи, то зачем он спрашивает?

⁷ Суломай – поселок на реке Подкаменная Тунгуска. Слово «Суломай» (по-кетски «Сулемхай») означает «красная гора».

– Да ты не напрягайся, – почувствовал Темный смятение Евгения. – Тут мои оболтусы одну штуковину притащили... Тяжелую. Казенную. Мне почему-то кажется, что она твоя. А?

– Возможно, – выдавил из себя Евгений, лихорадочно соображая, что может последовать дальше.

– Ну, так приезжай, забирай, – устало, пытаясь подавить зевок, выговорил Аесарон и повесил трубку.

Евгений помедлил. Ловушка? Что-то как-то все одно к одному. Сначала про кетского шамана вопросы задавал, теперь вдруг сейф нашелся. А в сейфе – «Всадник в красном» товарища Бочкина. Да даже если бы там пусто было – стали бы Темные возвращать имущество Ночного Дозора? «Притащили штуковину...» Притащили ли? Или она все это время просто-яла в их резиденции? Держали-держали – может, вскрыть пытались, может, просто забавлялись собственной проделкой, – а теперь наскучило, или Аесарон по шапке настучал за самостоятельность, велел вернуть... Знают они о том, что внутри? Догадываются? Или понятия не имеют?

Если знают, то позволение забрать – это точно ловушка. Не бывает так, чтобы Темный упустил возможность прижать Светлого. Что обычно происходит, когда человек является в бюро находок за утерянным кошельком? Его просят: «Опишите, что именно у вас там лежало, сколько денег, какие личные вещи, фотографии?» Что он ответит Дневному Дозору, доказывая принадлежность сейфа? Впрочем, доказательств они могут потребовать, даже если сейчас и не догадываются о «Всаднике».

А с учетом последних событий... Ну да, это самый легкий способ окончательно избавиться от Евгения. Что им это даст? Ну, снимут его с поста руководителя, пришлют другого. Дальше-то что? Начнут и под него копать? И под третьего, четвертого? Зачем? Или именно Угорь поперек горла им стал? Неужели все еще мстят за тот случай, за провокацию с лицензией на Крюкова? Бред какой-то...

Впрочем, вариантов у Евгения все равно нет – идти придется, а подстраховать некому.

Оперативник выдвинул ящик стола, оглядел свой арсенал – амулеты и боевые жезлы, заряженные как собственноручно, так и более могучими магами. Нет, это лишнее. Все необходимое для патрулирования у него с собой. Если он явится в резиденцию Темных вооруженным сверх меры, Аесарон почувствует, а это вызовет ненужные подозрения, повышенный интерес, внимание к мелочам, которых иначе бы просто не заметили. Впрочем... «Всадник в красном» – хороша мелочь! Невесело усмехнувшись, Евгений задвинул ящик на место, твердым шагом прошел к двери и подвесил охранные заклатья, закрывая все помещение целиком от любого проникновения – научили, ироды, спасибо вам!

* * *

Отделение Дневного Дозора размещалось в здании райкома партии. Так всегда получалось: в какой город ни загляни, Ночной Дозор будет располагаться в помещении неприметной конторы, за неказистой вывеской, на окраине, а Темные непременно найдут себе местечко посolidнее, пороскошнее, покомфортнее. И обязательно поближе к сильным мира человеческого. И не понять, почему так. Вроде в средствах не ограничены оба Дозора, на ответственных постах «свои» Иные есть и у тех, и у других... Угорь вовсе не завидовал имеющимся у Темных благам – ему, с его-то аскетизмом, излишеством казалось все, что не относилось к работе и элементарному бытовому обустройству. Но размещаться в центре города – это просто удобнее. Автовокзал и аэропорт отсюда равноудалены, все ключевые точки – почта, отделение милиции, сберкасса – под боком. Это сейчас кабинет Евгения в десяти минутах ходьбы от площади с памятником, а от бумфабрики он топал бы сюда не менее получаса. А Темным, чтобы оказаться в центре, достаточно просто спуститься по ступенькам.

Милиционер, дежуривший на входе в райком, был, очевидно, «предупрежден» о визите дозорного – он его попросту не увидел. Поднявшись на второй этаж по лестнице, устланной красной с зеленой каймой ковровой дорожкой, Угорь оказался в длинном коридоре со множеством одинаковых дверей из полированного орехового дерева. На каждой двери имелась черная с золотом табличка. Разглядывая сияющие фамилии в сияющих рамках, он поймал себя на нелепой ассоциации – «Помним, скорбим...». После всех посещенных в этом городке учреждений, заведений и прочих общественных мест райкомовский коридор казался удивительно чистым. Даже синий мох, паразит, обитающий на первом слое Сумрака, здесь был аккуратно выморожен сотрудниками Дневного Дозора. Евгений впервые попал в их резиденцию – до этого все встречи проходили на нейтральной территории. Наверное, он еще долго расхаживал бы по коридору, вертя головой в поисках какой-нибудь особой таблички, но тут в самом дальнем конце открылась дверь, из-за нее выглянул бородатый ведьмак Харламов и, ни слова не говоря, махнул рукой.

Районным Дозором руководил боевой маг третьего ранга Качашкин. Собственно, на табличке – Угорь не постеснялся вернуться и еще раз перечитать – так и значилось: «Л. И. Качашкин», и ниже, крупно: «Специальная комиссия». Нагло. Разумно. Специальных комиссий посетители-люди сторонились. А для Иных, конечно же, в Сумраке пылала иная вывеска. Кабинет у мага был хорош: высокие потолки, ореховые панели в полстены, тяжелые бордовые шторы с кистями, массивные шкафы, сверкающие начищенной медью финтифлюшки. Большущий стол с тремя телефонными аппаратами. Правда, сию секунду хозяин кабинета всем этим великолепием наслаждаться не мог, поскольку с потерянными сидел сбоку от стола, на стуле для посетителей. Хозяйское же кресло занимал Аесарон: оперев локти в лакированную столешницу, ладонями он обхватил голову, запустив пальцы в шевелюру так, что жесткие черные волосы встали торчком. Буквально перед его лицом высилась весьма солидная стопка бумаг. Вид у него был изможденный.

– Ну и сволочь же этот ваш Гесер! – сквозь зубы процедил он, глядя не на Евгения, а на стопку документов. Складывалось впечатление, что именно упомянутый Гесер, руководитель Ночного Дозора Москвы и негласно – всей Российской Федерации, прислал эту гору бумаг Аесарону лично. Угорь промолчал.

Наверное, прав участковый Денисов, говоря про сонное царство. По слухам, в Москве – нескончаемое противостояние Светлых и Темных, непримиримая борьба, ежедневные стычки, сражения не на жизнь, а на развоплощение. Настоящий фронт. В областном центре, где Угорь долгое время занимался оперативной работой, стычек тоже хватало, но масштаб совсем не тот. Там Иные разных оттенков не столько задирались, сколько с подчеркнутым высокомерием старались не замечать друг друга. Нет, случалось всякое – время от времени кто-то срывался, кто-то ошибался, кто-то нарушал Договор, сознательно – открыто или тайком – шел на преступление. Время от времени руководство того или иного Дозора отдавало приказ занять лидирующие позиции, но, наверное, какому-нибудь столичному дозорному все это больше напоминало бы игру, нежели реальную битву Тьмы и Света. А здесь, в глухом районе, Угорь и вовсе мог позволить себе проконсультировать по телефону противника, а потом прийти в самое логово Темных, и при этом не чувствовал по отношению к себе ни ненависти, ни даже особой неприязни. Не враги – всего лишь соперники. Правда, только до того момента, пока одна из сторон не подставится, не проколется. Сейчас в роли такой стороны был Евгений, но оставалась надежда, что Дневному Дозору об этом ничего пока не было известно.

– Да ты присаживайся! – Аесарон подбородком указал на свободный стул. – А?

Евгений заставил себя встрепенуться. Он слишком расслабился. Необъяснимо расслабился. Непозволительно расслабился. Между прочим, трое из находящихся здесь брали его тогда, в универсаме. И после требовали развоплощения и вообще делали все возможное, чтобы жизнь ему сахаром не казалась.

– Спасибо, но я заступил на дежурство, – развел он руками: дескать, рад бы посидеть с вами, но пора на улицы, полные опасностей.

Он даже изобразил виноватую улыбку, по очереди оглядывая всех присутствующих. Качашкин на него не смотрел, сомнамбулически покачиваясь на стуле вперед-назад. Угрюмый ведьмак Харламов составлял со стола на поднос чашки-блюдца. Третий Темный дозорный, абсолютно лысый вампир Гушин, оккупировал маленький столик в углу – место секретаря или стенографистки того, кто раньше занимал этот кабинет; рядом стояла печатная машинка, но Гушин строчил что-то от руки – видимо, очередной отчет или недостающий рапорт.

Неполный состав.

– А где же ваш этот... Палтус? – благодушно осведомился Евгений.

– Как? – переспросил, приподняв голову, Аесарон. – Кто?

– Ну, Палтус, тот, кто с вами днем был, – любезно разъяснил Угорь.

После внушительной, зловещей паузы вдруг грянул хохот. Евгений реально испугался – он впервые видел задыхающегося ведьмака, икающих магов и рыдающего от смеха вампира. Вид последнего, надо сказать, был страшнее всего. Упал поднос с грязными чашками, сполз со стула очнувшийся Качашкин, рухнул грудью на стопку документов Высший Темный. Они захлебывались, колотили кулаками и ладонями по всему, до чего дотягивались кулаки и ладони, они катались, хватались за животы, а Угорь понятия не имел, что вызвало такую реакцию и как ему теперь быть – потому что все это, наверное, надо было как-то останавливать...

Открылась дверца, которую Евгений до сего момента считал дверцей самого дальнего шкафа. Оказалось, что кабинет соседствует с другой комнатой – видимо, служащей для отдыха хозяина. Оттуда показался позеленевший от злости спутник Аесарона. Казалось, еще секунда – и он кинется на оперативника, попытается задушить или перегрызть горло, даже не трансформируясь. Но тут его заметил Аесарон. Отдышавшись, он ткнул пальцем в сторону оборотня:

– Палтус!.. – И, дважды всхлипнув, снова ткнул: – Нарекаю тебя!..

Истерика возобновилась с удвоенной силой.

Оборотень молча развернулся и скрылся в комнате, шарахнув полированной дверцей так, что под потолком закачалась тяжеленная люстра.

Угорь понимал только то, что невольно умудрился каким-то образом оскорбить низшего Темного в присутствии остальных. Чем же? Ведь он сам слышал, как руководитель Дневного Дозора называл свою «шестерку» этой кличкой! Может, все дело в этом? Может, эта кличка не для посторонних ушей? То, что нормально на зоне или из уст босса, неприемлемо при непосвященных?

Если бы Евгений догадался в этот момент проверить прогноз, он увидел бы массу изменений в сравнении с тем, что было час назад. Но он находился в резиденции неприятеля, ему предстояло решать куда более насущную проблему с украденным и внезапно найденным сейфом с мощнейшим артефактом внутри, и посему проверить прогноз он не догадался.

Постепенно все успокаивались: Харламов принялся собирать с пола осколки посуды, Качашкин поправлял галстук, Гушин носовым платком-простыней вытирал слезы, Аесарон приглаживал волосы и шмыгал носом.

– Ух, Женька, ух, релаксатор! А? – Слово было Евгению незнакомо, но интуитивно он догадался, что Темный не пытается его обидеть, скорее, наоборот, делает ему этаким комплимент, благодарит за веселую шутку. – Чаю хочешь? Или коньяку?

Коньяку действительно хотелось, Угорь нервничал сейчас сильнее, чем вначале, когда только вошел в кабинет, но он заставил себя помотать головой.

– Извини, кофию не предлагаю, его мои обормоты еще днем выдули. Ты чего пришел-то? Ах да! – увидев, как изумленно вытаращился дозорный, вспомнил Аесарон. – Сейф! А? Это как же ты умудрился? Из кармана он у тебя, что ли, выпал? Бывает, бывает. Внизу он стоит, за штормкой, возле мента. Защиту я сниму, можешь забирать. Ты машину подогнал?

Узнав, что Угорь вообще без машины, изумился уже глава Темных.

– А как же ты его попрешь? Он же, наверное, пудов шесть весит. Харламов, ты как его сюда пер?

– Грузовичок словил подле рынка. – Харламов, похоже, был откуда-то с Поволжья, поскольку ощутило окал.

– А в «жигуленок» ваш он полезет?

– Это навряд, – подумав, ответил ведьмак. – Тут ить как: в багажник точно не войдет, а на сиденья Леонид Иваныч не позволит – углы у ево острые, пошкрябает обивочку-то. – Он еще подумал. – Да и так-то навряд войдет.

Аесарон прищурился.

– Жень, могу одолжить тебе один амулетик, очень он чудесно с гравитацией взаимодействует – обвяжешь сейф веревочкой и понесешь, как воздушный шарик. А? Одолжить?

Угорь выставил руку ладонью вперед, покачал головой, отказываясь от предложения. Подобные заклинания были и в его арсенале, но энергия, затрачиваемая на их применение, выходила за рамки обычной бытовой магии. Соответственно, он будет вынужден расплатиться с Темными разрешением на использование магии того же уровня. Ему-то всего лишь сейф до кабинета дотащить, а они, чего доброго, мотоцикл какой-нибудь перевернут или десяток кирпичей из-под крыши на тротуар столкнут...

– Есть у вас телефонный справочник? – обратился он к Качашкину. – Вызову грузовое такси.

На местном автокомбинате долго юлили – дескать, все машины в разъездах, и вообще заявку надо было заранее подавать и оплату производить через сберкассу заблаговременно. Похоже, набивали цену, намекали на наличные и двойной тариф. Но, узнав, что грузовик следует подать к райкому, и свободный «зилок» сразу отыскали, и пообещали прислать квитанцию, которую «оплатите, когда будет удобно».

Евгению не верилось, что все может закончиться так быстро и без последствий. Конечно, он еще не проверял сейф. Возможно, «Всадника» там уже нет: все-таки Аесарон Высший маг, а «кольцо Шааба» и прочие охранные заклатья обезвредить и обойти хоть и чрезвычайно сложно, но теоретически выполнимо – если наверняка знать, что серьезный даже для Высшего риск и невероятные усилия будут вознаграждены. А возможно, Темные, не сумев взломать сейф, вплели в его защиту пару-тройку незаметных паразитных заклинаний – прослушивающих, разрушающих содержимое или блокирующих механизм замка. Пусть не сейчас и даже не завтра, но однажды такое заклинание может сработать и... и случится какая-нибудь неприятность. Угорь, конечно, не дурак, он избавится от сейфа, как только извлечет оттуда все самое ценное, а из ценного там – лишь древний шаманский артефакт, который так или иначе придется возвращать владельцу-Темному.

Остаться в кабинете не хотелось – похоже, Аесарон все дела таки завершил, на столе появилась бутылка армянского коньяка, Харламов звенел бокалами, доставая их из недр шкафа. Если задержаться в тепле и роскоши, можно снова расслабиться, а там пойдут душевные разговоры, жалобы на собачью работу, воспоминания... Приятного в этом было мало, да и по сути – это уже не перемирие, не поддержание терпимых отношений, не вынужденная толерантность, а какое-то непотребство. Наверняка какой-нибудь столичный Светлый вообще расценил бы подобное застолье с Темными как предательство.

– Пойду встречать машину. Всего хорошего! – Евгений направился к двери, остановился. – Аесарон, у нас ведь нет взаимных претензий?

– Жень, обижаешь! – возмущенно надул и без того пухлые губы руководитель Дневного Дозора. – Ты сегодня здорово мне помог с этой гадской бюрократией, я в ответ подсобил тебе с утерянным имуществом. – Он широко развел руки. – Мы в расчете.

Угорь коротко кивнул, соглашаясь, и вышел в коридор.

Сейф, как и сказал Аесарон, стоял внизу, в холле, за плотной шторой или, скорее, занавесом, отгораживающим служебный гардероб. Шагнув в Сумрак, Угорь бегло осмотрел его на предмет магических воздействий. Разумеется, сейф «щупали», проверяли, но вскрыть вроде не пытались. Кажется, обошлось.

Размышляя о том, смогут ли они вдвоем с водителем грузового такси вытащить тяжеленный металлический ящик из холла и поставить в кузов, Евгений вышел на крыльцо и закурил. Вообще курил он крайне редко, в свое время совсем бросил, но потом сигареты как-то скромно и почти незаметно вернулись в его жизнь. Сейчас хорошая затяжка оказалась весьма кстати.

Жуткие морозы отступили, дышалось легко и привольно, и пар после каждого выдоха уже не окутывал лицо почти непроницаемым облачком, не оседал густым инеем на бровях и ресницах. Зима все еще оставалась зимою, со снегопадами, метелями, обледеневшими тротуарами и ростовыми сугробами вдоль дорог, но лютый холод, острый, оглушающий, сводящий с ума, остался в прошлом году. Даже Угорь, освоивший терморегуляцию еще в незапамятные времена, был просто счастлив от подобного климатического демарша, что уж говорить об обычных людях.

«Ява» дотлела до фильтра, машина все не шла, да и вообще на улице было тихо и пусто. Светилась вывеска неработающего ресторана, бросала фиолетовый химический отблеск на пьедестал и пальто вождя. Далеко-далеко, на грани слуха, угадывалась мелодия – где-то слушали современные пластинки. Евгений потянулся за музыкой, отыскал окно, из которого она доносилась.

...Облако тебя трогает,
Хочет от меня закрыть.
Чистая моя, строгая,
Как же я хочу рядом быть!

Поздно мы с тобой поняли,
Что вдвоем вдвойне веселей
Даже проплывать по небу,
А не то что жить на земле.

Знаю, для тебя я не Бог,
Крылья, говорят, не те —
Мне нельзя к тебе на небо
Прилететь...⁸

Голос был удивительно чистым и сильным (исполнителя Евгений не признал), мелодия приятной и запоминающейся, слова банальными – и вместе с тем совсем не банальными. Ведь по сути, если разобраться, эта песня – крик души обычного мужчины, обращенный к женщине-Иной. Сколь часто на своем веку Угорь становился свидетелем тому, как распадаются давно уже вроде бы сложившиеся пары! Встречаются парень с девушкой, в кино ходят, целуются, мечтают, женятся, а потом вдруг один из них (или, как в песне, одна) обнаруживает в себе дремавшие способности и, распахнув глаза, начинает познавать новую жизнь, новые возможности, новый мир – мир Иных. И очень скоро все привычное становится неинтересным, старые друзья и возлюбленные – скучными, бывшие мечтания и впечатления – примитивными... Мало кто умудряется сохранить брак, потому что это очень трудно – пытаться делать вид, что ничего не произошло, что все по-прежнему, оказаться без вины виноватым перед собой в том,

⁸ Песня «Звездочка моя ясная» из репертуара группы «Цветы».

что ты не такой, мириться с ущербностью супруга или супруги, закрывать глаза на то, что ему или ей никогда не будут доступны те краски, звуки и ощущения, которые доступны тебе, прощать случайно «подслушанные» мысли и эмоции... Вот участковый Денисов как-то умудрился. Сколько он женат? Четверть века? Дольше? Но тут случай вообще особый – Денисов практически отказался от использования своего дара. Бывает. Для Евгения подобный отказ был равносильным тому, как если бы человек добровольно завязал себе глаза, перестал пользоваться правой рукой, да еще и туфли надевал на три размера меньше – неудобно, неестественно, неприятно до боли. Никакой свободы, одна лишь гнетущая тяжесть, постоянная досада на то, что мог бы летать, а вынужден ползать... Вот и большинство Иных, вероятно, чувствовали то же самое и потому делали выбор в пользу невероятных возможностей, а не скучной жизни среди обычных людей. Некоторые старались держаться, какое-то время оставались в семье, но потом, рано или поздно, все равно сдавались. Может, это и малодушие, но Угорь считал, что лучше, когда рано, иначе ты обрекаешь себя на то, чтобы постоянно видеть, как стареет любимый человек – а ты ничего не можешь с этим поделать. Его постепенно одолевают болезни и страх – а ты ничего не можешь с этим поделать. Ты видишь изумление и невольный немой укор в его глазах, потому что ты все еще молодой и здоровый, а он уже нет, – и ничего не можешь с этим поделать.

Вот правда – лучше вовремя уйти. Это проще и действительно необходимо. Как подросток однажды перестает нуждаться в постоянной опеке родителей и выскальзывает из материнских объятий, чтобы начать самостоятельную жизнь, так и человек, обнаруживший в себе способности Иного, должен вырваться из привычного людского круга с тем, чтобы попасть в иной круг – себе подобных.

Но с Иными-то все понятно, а что должен чувствовать человек, которого оставили, покинули, бросили? Если бы ему была известна настоящая причина – он, наверное, думал бы и говорил примерно такими словами, как в песне. Что для него Сумрак? Облако, которое хочет забрать любимую. Почему ему нельзя с ней? Крылья, говорят, не те. В общем, неожиданный смысл открывается у песни.

Впрочем, был и другой смысл – более очевидный, «в лоб». Угорь давно уже ни к кому не привязывался и, собственно, никому не мог бы посвятить фразу «Как же я хочу рядом быть», но когда-то... Да, в этом «когда-то» и облако было, зловонное огненное облако, и была веселая и чистая девочка-Иная, которая не справилась со всепожирающим косматым сгустком пламени, а он, совсем еще юный боевой маг, просто не успел прикрыть ее. Потом долго с тоской и досадой вспоминал, корил себя за то, что не решился представиться ей раньше. Получилось бы что-нибудь у них? Возможно. Тогда, вполне вероятно, и жизнь сложилась бы иначе, и в том бою он был бы ближе к ней, плечом к плечу, и внимателен был бы за двоих, и яростнее в десять раз... «Поздно мы с тобой поняли...»

Где-то за углом, слева, раздался приглушенный шлепок – снег съехал с крыши и стукнул мягкой лапой о тротуар. Очарованность песней и навеянными ею воспоминаниями пропала. Машины все не было. Угорь спустился с крыльца, вышел на проезжую часть, посмотрел в один конец улицы, в другой – пусто. Редкий порыв ветра качнул фонарь неподалеку – заколыхались тени, проступили и вновь исчезли в темноте мелкие детали: штакетник, скамейка, голый куст. Забавно: как будто на секундочку включили и сразу же выключили телевизор, и все, что так реалистично смотрелось на экране, пропало, перестало существовать.

Вновь подул ветер, хлопнула фрамуга, и этот звук показался Евгению совершенно неуместным. Он задрал голову. На райкомовском фасаде светились всего два окна – второй этаж, самый крайний кабинет. Партийные чиновники давно разошлись-разъехались по домам, и только «Специальная комиссия» заседает, запивая ценные указания руководителя хорошим коньяком. Абсолютно все окна закрыты, да и вряд ли кому-то придет в голову посреди зимы оставить проветриваться комнату на всю ночь. Угорь сделал несколько шагов в сторону, заглянул за угол. Сюда не доставал свет фонарей и ресторанной вывески, и, напрягая зрение, он

тщательно осмотрел торцовую стену райкома. Может быть, почудилось, но одна из оконных створок едва заметно выделялась на залитой чернильным мраком стене. Вроде бы чуть-чуть приоткрыта. Или не до конца закрыта. Второй этаж. Комната, примыкающая к кабинету Дневного Дозора. Оборотень Палтус.

Угорь стал под самым окном, осмотрелся. В ближайшем сугробе обнаружилась вмятина – будто кто-то с размаху упал. Или спрыгнул со второго этажа. Спрыгнул – и исчез? Вокруг сугроба не было ни единого следа, лишь метрах в пяти обнаружилось несколько отпечатков лап крупного животного. Высоко вздымая колени, Угорь пошел по снежной целине, вертя головой, выискивая следующие отметины. Потом побежал. Потом на ходу нырнул в Сумрак и помчался что есть мочи. Как давно он услышал «падение снега с крыши»? Какова фора у оборотня?

Тратить столько сил в Сумраке было неразумно, Евгений это прекрасно понимал. Но понимал он и то, что нагнать вервольфа может только так, только проламываясь сквозь вязкий серый туман, отдавая ему так много, что потом не сразу и возместишь. Оборотни – единственные маги, которые могут воплощать свой сумеречный облик в реальном мире. Не принимать образ, не навешивать маскарадный костюм, не транслировать картинку в сознания окружающих, а по-настоящему перестраивать свое тело со всеми вытекающими бонусами. По этой причине Палтусу нет нужды сейчас находиться в Сумраке: он и так уже страшен, чудовищно силен, практически неуязвим и по-волчьи стремителен – вон какие прыжки, едва ли не по пять метров!

Угорь на бегу взглянул на часы. Начало девятого, универсам уже закрылся, Вера, наверное, только что переоделась и вот-вот выйдет... или уже вышла. Для Евгения время в человеческом мире практически замерло, он добежит до места и вынырнет из Сумрака раньше, чем минутная стрелка сместится на пару делений. Если в тот момент, когда он стартовал от торцовой стены райкома, Вера надевала шубку, то к моменту его прибытия она только-только успеет застегнуть все пуговицы. Но если она уже вышла, если добралась до какого-нибудь поворота... Черт возьми, ведь он понятия не имеет, где она живет, какой дорогой ходит! Ему сделалось страшно.

Как некстати привязалась подслушанная песня, как некстати всколыхнула воспоминания! Та девочка-Иная – она умела защитить себя, умела сражаться, это было ее профессией и долгом, и лишь однажды она не смогла справиться, а он не успел ей помочь. Вера не была Иной, она едва удерживала баллон с соком тонкими пальчиками, она вообще ничего не поймет и ничего не сможет поделать, когда встретится лицом к лицу с опасностью. И потому он обязан успеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.